

АМАН МАТЧАН

ЗНАК ЛЮБВИ

АМАН
МАТЧАН
ЗНАК ЛЮБВИ

Стихи

Перевод с узбекского

Москва
Советский писатель
1988

ББК 84 Уэ7
М 34

Художник
Клара ВИСОЦКАЯ

М $\frac{4702620202-339}{083(02)-88}$ 352-88

ISBN 5-265-00042-9

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1988

ЛЮДИ ДОЛИН В СТЕПИ

Ахмат Фергани — великий астроном, математик и географ, ушел из Ферганы в Багдад. Точные даты биографии ученого не установлены...

Узб. СЭ

До сего момента из Андижана уже переехало 500 семей... К 1985 году это количество возрастет до 1000...

...Вместе со своим домашним имуществом с крайней осторожностью они перевезли саженцы растущих в знаменитых садах Андижана плодоносящих деревьев.

Из газетных сообщений

Приезд наших дорогих друзей из долины в наш район «Зарбдар», говоря по правде, придал нашей работе, всей нашей жизни особое очарование...

К 1 января 1985 года на территории района было около 70 тысяч единиц плодоносящих деревьев. В нынешнюю суровую зиму 40 тысяч из них погибли... Весной нынешнего года по району было заново посажено более 1 миллиона саженцев...

В 1984 году урожай хлопка с гектара составлял 10 центнеров. В этом году мы наметили собрать пятнадцать...

Передайте руководителю, пусть своевременно присылает свежие газеты и журналы... Нет телевизора, нет автобуса...

Из бесед в степи

**Фергана! Самой природой вознесенный дивный сад!
Человек его лелеял несколько веков подряд.
Твой зеленый облик милый, твой широкий дастархан
У тебя перенимает дорогой Узбекистан.**

**Изумрудная долина, чаша света, путь к судьбе,
Сто поэтов написали бейты жизни о тебе.**

Голос твой слагает Слово, утоляет, что родник,
Может, в зелени ферганской самый первый стих возник?

Есть предание такое: заслоняясь от беды,
Человечий сын воскликнул: «Бойтесь ужаса воды!»
Фергани, твой сын и рыцарь даль чужую наполни,
Оросил долину Нила, плодоносный создал ил.

О, какой тоской томился повелитель битв Бабур,
Если ветерок ферганский на него в изгнание дул.
Ты смирить умела диких, злобный разогнать угар,
От тебя бежал позорно хан преступный Худаяр.

Что нас больше привлекает, небосвод или земля?
Без любви к земле родимой человеку жить нельзя!
Но нигде на целом свете нет приязни горячей,
Чем любовь ферганцев к милой, золотой земле своей.

До Хорезма, до Сурхана довели они свой след,
Принесли Самарканду самый искренний привет.
Там, где хлопок белым пухом человечью плоть ласкал,
Знали — это лишь соцветье, корень — у ферганских скал.

Помню памятные были из недавних бурных лет,
Здесь народы проходили путь — трудней на свете нет!
Русский с тяжелой шел лопатой, и его узбек сменял,
Памятник им будет вечный — оросительный канал.

И сегодня что за страсти? Что за длинный караван?
Едут юноши, собрался в путь почтенный ветеран...

Жили вольно и в достатке, их никто не подгонял,
Не гремел вулкан над ними, с гор не рушился обвал.

И дома стояли прочно, и вокруг сады цвели.
Почему же люди эти в степь Голодную ушли?
Но нельзя ведь наслаждаться вечной праздничной весной,
Если край земли родимой опалил пустыни зной.

Да, не просто дом покинуть и не просто возвести,
И в степи безводной, чахлой торные пробить пути.
Да и лишнею рублевкой не обманешь никого,
Не корысть, а долг душевный были впереди всего.

«Подвиг», — говорят иные, — слишком сношено слово,
Только слово обновится, если глянет честь в лицо.
Это Подвиг, потому что жизнь меняет русла рек,
Это Подвиг, потому что делом славен человек.

Если вносим мы младенца в светлый дружелюбный дом,
Мы и имя дорогое в первый день ему даем.
Имя — это тоже праздник, имя — всех удач залог,
И оно прославит место, где пересекло порог.

Сто имен и сто колодцев, и у каждого свой вкус,
Только что-то с первым вздохом мы запомним наизусть.
И поэтому судьбою мне единый образ дан —
Это имя дорогое — светлый дом — Узбекистан.

Трудно обуздать пустыню, но пути иного нет,
И с волной Аму приходит наше счастье, наш рассвет.

**Но одной воды не хватит, чтобы расцвели сады,
И лежат в основе жизни бесконечные труды.**

**Все пойдет за человеком — и вода, и урожай.
Не ленись, будь прям и честен, в срок с работой поспешай.
Сколько здесь страстей и судеб вознеслось и полегло,
Потому и счастье наше пересилить зло смогло.**

РУССКИЕ УЧЕНЫЕ

...В 1873 году был утвержден проект Н. Ф. Ульянова, проект освоения Голодной степи. Долгие годы царское правительство не отпускало денег на осуществление проекта, а местное начальство выделило по одному человеку от каждого двора. Чтобы прорыть 15 километров канала, в течение четырёх лет работало 7 тысяч человек. Каждому работающему ежедневно выплачивалось всего 5 копеек.

...В 1900 году, 7 февраля, после бесчисленных проволок правительство выделило 2850 рублей для освоения 4 тысяч десятин земли в северо-восточной части Голодной степи. Львиная доля этих денег осела в карманах генерал-губернатора и его чиновников.

...В 1914 году из государственного счета стали выделять земли, орошаемые «каналом Романова». На эти земли, согласно скоропалительно изданному закону, могли заселяться лишь люди великорусской национальности. Они должны были быть православными, обладать состоянием не менее 1000 рублей, нести воинскую повинность. Седьмой пункт этого закона категорически запрещал туземному населению селиться на орошаемых землях Голодной степи. Они могли появиться там лишь в качестве слуг или батраков.

В то же самое время в сложный и тяжелый период освоения Голодной степи многие русские ученые, инженеры проявили необычайное личное и гражданское мужество. Они сумели встать на сторону измученного, поработанного, униженного местного населения. Благодаря их терпению, знаниям, труду не только было прокопано в безводной степи ложе канала, не только впервые озеленены земельные массивы, но в сознании угнетенного народа пробудились первые ростки революционной борьбы...

...Курсиш, Островский, Булаевский, Ризенкампф, Рязанов, Димо, Костяков, Павловский, Колпакова, Александров...

У самой границы земли золотой Самарканда,
Где обсерватория¹ в звездной небесной короне,
Над старой могилой ты остановись благодарно —
Здесь дедушка Вяткин под стертой плитой похоронен.

Наука подобна смолистому факелу ночью:
Нам путь освещает, дает и тепло, и отраду,
Но если мы искру корысти увидим воочью,
То этой «науке» мы, люди, нисколько не рады.

Мы помним, как пало тунгусское страшное диво,
Космический взрыв, опаливший сибирские дали,
Но сколько ему ни вчиняли допросов строптиво —
Ни слова, ни буквы из тайны его не узнали.

Бывает, уйдешь на неделю из чистого дома,
Вернешься — повсюду прослойки и грязи, и пыли,
Вот так у народа, где тружеников не взрастили,
Опустятся крылья, и солнце померкнет в истоме.

Будь проклят тот меч, переполненный лунным коварством,
Что поднял невежда, который пронзил Улугбека,
Душа астронома, небесным наполнившись царством,
Вместила все звезды, всю даль легендарного века.

Но хан и палач — это прошлое в черных завалах,
В которых закопаны дали и были народа,
Что знал Ак-Паша² и сановники в сказочных залах?—
Казармы и тюрьмы все больше от года до года.

¹ Имеется в виду обсерватория Улугбека, местонахождение которой было открыто русским ученым Вяткиным.

² Ак-Паша — «белый царь», российский император.

Но если взглядеться, история кажет иное,
Свет чистой души пробивается в узкие щели,
Отвержены часто родимой своей стороною,
Для нас они сделали все, что могли, что сумели.

Один был опущен в могилу за кругом Полярным
И в саване инеем слился с холодной долиной,
Другой на Тунгуске, а третий — в пути легендарном,
Кто сгинул вначале, а кто напоследок под льдиной.

В двадцатом году перешел через пропасти Гоби
И стукнулся лбом о Великую стену Китая,
Иной, в Бухаре кипятивший тифозные колбы,
Упал в лазарете, горячечный воздух хватая.

Когда бы о Бартольде, о Бертельсе речь моя длилась,
Любые всезнайки поддакнуть мне были готовы,
Но здесь вот, в Хорезме, великое сердце разбилось,
Так шапки долой — никогда не забудем Толстова.

Мытарился здесь Ризенкамф из-за скудных копеек,
Зато губернатор был важен и великолепен,
Разбилась волна и очистила гнилостный берег,
Когда его дело скрепил своей подписью Ленин.

Судьбина ученого круче любви фанатичной,
Влюбленный не жаждет за скромный цветок воздаянья,
Не надо ученых ловить возле славы с поличным,
Их слава — в грядущее брошенное деянье.

И то, что сказал я,— не повесть, а только лишь повод
Коснуться той доли, нет выше и чище которой.
И наша планета такие нам дали готовит,
Что только прорезались в сумерках обсерваторий.

РАЗГОВОРЫ, ОПИСЫВАЮЩИЕ СТЕПЬ

Дно непечатых земель
В золоте и в серебре.
Счастье твое, если выйдешь
К незнаемой, тайной горе.
Но перед странствием, странник,
Благоустрой свой край,
Подумай о том, чтобы дни свои
Не кончить в темной норе.

Юсуф Хас-Хаджиб

Когда-то в древности в пустыне заблудилось одно племя. Запасы продовольствия истощились, и племя остановилось у старого колодца, ожидая благосклонности от судьбы. Однако положение этих людей становилось все хуже день ото дня. В племени этом были влюбленные — юноша и девушка. Их силы были на исходе. Девушка задремала, и ей привиделся сон. Во сне она собирала камни, большие и малые, разбросанные вокруг стоянки. Потом она стала варить их в казане. Казан кипел, кипел, крупные булжники уходили на дно, а мелкие камушки разварились в красноватую полужидкую кашу. Девушка попробовала — вкусно!

Очнувшись от тяжелой дремы, девушка рассказала о своем сне. Однако соплеменники сочли это плодом большого воображения. Тогда девушка упросила мать и тетушек собрать колючки, камни, положила все это в котел и долго варила. Через час в котле оказалась пища, которую она отведала во сне... Кто знает, каким свойством обладали разваренные камни? Но старые люди утверждают, что сумаляк¹ появился именно в казане этой девушки. Может быть, мы еще не до конца разгадали эту легенду. Весной в наших краях, когда организм человека истощается, остается без витаминов, женщины сообща начинают готовить сумаляк и непременно кладут туда мелкие камушки.

¹ С у м а л я к — кашеобразная пища из пшеничного солода и муки.

Пророк сказал: «Загадывай в пустыне!»
И в старых сказках то же говорится,
Вместившие все зло и все святыни
Пустыни в Книге Бытия страницы.

Здесь прошлое грядущее готовит,
И птица этих мест не достигает.
Всевышнему никто не прекословит —
Но где же рай, нам рая не хватает.

А здесь подавно — вихри и самумы.
Да что земля? Здесь обвалилось небо.
Здесь миражи обманны и угрюмы,
И пыль надежд смешалась с бурей гнева.

Для скольких кровожадных властелинов
Она в тюрьму глухую обратилась.
И сколько здесь отважных, юных, сильных
Под адским сводом безнадежно бились.

В любой узбекской простодушной сказке
Героя деспот изгонял в пустыню,
И тот дарил земле живые ласки,
Над родником растил леса густые.

В былые дни народ сказал немало
О юношах, что уходили в степи,
Как сила их стократно прибывала
И как росло ума великолепье.

Любовникам, не связанным законом,
И детям их здесь не было обиды,
Степь их лечила зноем раскаленным,
Готовила для мудрости, для битвы.

Вот Хорезм, и Беруни, и Сино —
О свечках я нынче размышляю.
Куда б вы ни ступали, исполины,—
Сады и цветники росли, пылая.

Конечно, сказке не всегда поверишь —
Над головой у нас иное солнце.
В словах «улан»¹ и «богатырь» теперь лишь
Толково, в новой жизни разберемся.

За сто веков чего народ не видел,
Бывало, и черствел под зноем лютым.
Отшельником вдруг делался вонтель,
Отшельник становился жизнелюбом.

Вот почему степи Голодной этой
Название знаменито повсеместно!
Здесь Новый Мир отмечен был победой —
Вот потому-то имя и заветно!

¹ У л а н — молодец, джигит.

КОММУНИСТАМ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

17 мая 1918 года В. И. Ленин подписал декрет о выделении 50 млн. руб. кредита на орошение и организационные работы в Туркестане, в том числе и в Голодной степи...

6 августа 1956 года постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР выделено 4,6 миллиарда рублей на освоение, орошение Голодной степи, на дальнейший рост объема хлопкозаготовок...

Из истории освоения Голодной степи

Если я вижу в степи коммуниста,
Сердце мое начинает светиться,
В самые трудные, горькие годы
Были они авангардом народа.
Все, что давало нам веру и силы,
Все, что навстречу судьба нам бросала,
Все, чем остались сильны мы и живы,
Все это в них обретало начало.
Нити от сердца протянуты кровно
К тяжелой земле и высокому небу,
Но лишь дехканин приник так огромно
К милому краю — душевно, безгневно.
И для него бесконечная дума
Выдвинулась в слово одно — «коммунисты».
В этих раздумьях отверг он угрюмо
Все, что обманно, продажно, нечисто.
Только не надо кумач показухи
Вешать на трудные наши высоты,
Речи пустые не свалят разрухи,
Мед, а не басни стекается в соты.
Как одолели мы Черные степи?
Путь наш был труден, но стал он нетленен.
В первый же день на октябрьском рассвете
Карту пустыни разглядывал Ленин.
Пусть перепутались судьбы и тропы,

Но разгорелась надежда во мраке.
Воды каналов и капельки пота —
Это труда-победителя знаки.
Не обернемся к постыдной, постылой,
Лживой отраве чужого «пророка».
Наш расцветающий сад над пустыней —
Только пролог, а не буква итога.

В БЕЗВОДНОЙ ПУСТЫНЕ

Хроника

1

ВОЗГЛАС

В шумном городе как-то
Средь жаркого пыльного лета
Я вскричал громогласно:
«О вы, кто в безводной степи!» —
Но ответа
Долго ждал я напрасно.

Гулким эхом в колодцах дворов
Прокатился сначала
Стон, что выдохнут сердцем.
Долго бился о стены,
В закрытые окна стучал он,
Да некуда деться.

Затерялся в глухих переулках,
В толпе многоликой —
Как душа отлетела...
Словно я закричал не в столице —
В пустыне великой.
А жизнь все кипела.

Может, кто услышал
И замедлил нечаянно шаг,
И — свою дорогой:
«Это пьяный, наверно,
Чего расшумелся, дурак?
Да ну его к богу!»

Хорошо, я до бога и черта дойду —
Не беда,
Мне-то хватит нахальства.
Я поставлю ребром, я шутить не люблю...
«Вы куда?»
«Я к начальству!»

Но начальник
Практический дал мне совет,
По-отечески строгий:
«Отчего б не писать, например,
О природе, поэт?
Тем так много!»

О начальнике этом
Плохого сказать не хочу —
Так не принято вроде...
Но о чем я толкую,
О чем я все время кричу? —
Я как раз о природе!

И влюбленные те
Слишком заняты были собой —
Не услышали крика.
И ученый профессор,
Что важной трясет бородой,
Озирается дико:

«Кто там слух распускает повсюду,
Что гибнут поля,
Нас пугая напрасно?
Вон как весело птицы поют
И цветут тополя!
Все прекрасно!..»

Лишь дехканин усталый,
Услышав мой голос вдали,
Жаркий пот утирая,
Принял зов мой
За крик раскаленной земли —
Ведь она умирает.

Если каждый так будет судить:
Это, мол, не о нем,—
То послушайте, люди! —
Все мы вместе в голодной, безводной
Пустыне умрем,
Все там будем.

2

Кто в степь голодную приехал,
В том сердце чуткое живет.
Ему и бури — не помеха,
Ему за мужество — почет!

Кто эти люди, что из дома
Ушли за тридевять земель?
Им небо — царские хоромы,
Им поле — мягкая постель.

Не кольца свадебные в зале
И не застолья им нужны —
Они судьбу свою связали
С судьбою всей родной страны.

Они пришли сюда как боги,
Чтоб степь родную оживить.
Они проложат здесь дороги,
Канала голубую нить.

Как будто и не замечают,
Что их ладони сбиты в кровь.
Глаза их радость излучают —
Ведь с ними рядом их любовь.

Они в степи не славы ищут,
Не деньги их влекут сюда.
Их сердце состраданием дышит,
Когда с родной землей — беда.

А кто дехканину поможет
Спасти от засухи чигит¹?
Ведь если не они — то кто же
Весной посева напоит?

Чтоб забелели хлопком нивы,
Душою надо их понять.
Чтобы ростки остались живы,
На ощупь каждый надо знать.

Сезонщики придут — и канут.
От них какой посевам прок?
Не трудятся — лишь время тянут,
Пока не кончится их срок.

Они свои жалеют спины,
А не иссохшие поля.
Для них родная степь — чужбина,
Не мать, а мачеха — земля.

Не потом поливают — ядом,
За ними — мертвые пески.
Да что до них! Им только надо
С почетной не сходить доски.

¹ Ч и г и т — семена хлопчатника.

И пусть пустыня жаром дышит,
Таким где горе — там и рай.
Они выращивают тыщи,
В сберкассы свозят урожай.

Не знают ни душевной боли,
Ни сострадания, ни стыда.
Они в пустыне ищут воли
От долга, совести, труда.

Они сосут земные соки,
Собой всю землю иссуша.
Не замечая, что до срока
Пустыней стала их душа.

3

По душе выбирая дорогу,—
Я совет тебе верный даю,—
Не надейся, приятель, на бога —
Опирайся на совесть свою.

И на самой кремнистой дороге
Перед трудностями не робей.
Не проси ты у черта подмоги,
Лучше кликни хороших людей.

Выйди пахарем в чистое поле
И не прячь от ненастий лица.
Лучший друг — это твердая воля.
Вот опора твоя до конца.

Только есть удалцы и такие —
Словно несколько жизней дано,—
Все мечты, все надежды благие
Променяли они на вино.

Пропивают не только зарплату,
Хоть в семью не несут ни гроша.
Не беда, что одежда в заплатках,
А беда, что в прорехах душа.

Прожигают и вёсны, и зимы,
Не жалея ни жен, ни детей.
Поезд жизни пронесется мимо,
Чтоб сойти на развилке с путей.

Наши бабки — другого закала.
Если гостя попотчует мы,
Сорок раз промывают бокалы
После водки, как после чумы.

И, старинным обычаям веря,
Я скажу вам, друзья мои, так:
Не открою я пьяному двери,
Он — не гость мне, а хуже чем враг.

Словно мечен он дьявольским знаком —
От него сторонится народ.
Не укусит пропойцу собака,
А брезгливо назад отойдет.

Но не жалость владеет животным
И не к старшему брату любовь:
Словно духом пахнуло болотным —
У него ядовитая кровь!

За работу он примется жадно,
Словно брызнули спирта в огонь.
Лишь начнет — отмахнется с досадой,
Снова тянется к рюмке ладонь.

Человека не сыщешь добрее —
Все за водку отдаст и простит.
Только жалко, что сердца не греет —
Как сырое полено коптит.

Все святое он предал на свете,
И себя он пропил до конца.
Без потомства останутся дети,
Проклиная родного отца.

Он при жизни убит алкоголем,
В нем душа не проснется вовек:
Как земля засоленного поля
Этот мертвый давно человек.

Веселится и будто не знает,
Что на поле его недород.
Без ружья он себя убивает,
Без войны истребляет свой род.

Нет, не спрячется он за Хайяма
И не смоем стыда своего.
Пусть стекают в помойную яму
Оправдания и клятвы его.

Знай, что, если к хмельному застою
Приплетали слова мудреца,—
Торговали народною болью,
Отравляли умы и сердца.

Не покроется камень цветами,
Не заполнится русло водой
Там, где пепел носился веками,
Черный коршун кружил над бедой.

Но народ — словно поле — бессмертен.
Он проснулся от долгого сна.
Оглянитесь вокруг и поверьте,
Что вернулась на землю весна.

Возрождается родина наша,
Не зальешь ее пьяной волной.
Поднимается — чище и краше,
Как цветущее поле весной.

4

РАЗНЫЕ ПУСТЫНИ

Есть у нас на Востоке такие места —
Стороной огибают их пашни,
Там безжизненна почва, суха и пуста,
Там холмы словно черные башни.

В этих гиблых местах не найдешь ни души,
Только змеи меж трещин глубоких.
Словно дьявол навек тут остаться решил...
Есть такие места на Востоке.

Но и там, где вода прямо в руки течет,
Где пустыни не сыщешь в округе,
Добывая себе и покой, и почет,
Нам встречаются дьявола слуги.

Нет, не змеями стали в извилинах нор,
Не стервятниками на вершинах...
А неплохо живут среди нас до сих пор,
Разъезжают в удобных машинах.

Далеко от пустыни, в больших городах
Я столкнулся с безжизненной кочкой:

Это был бюрократ, облысевший в трудах,
Изнемогший над цифрой, над точкой.

Мне не раз приходилось такого встречать.
Глянет в небо — и солнце остынет.
Если б мог — он поставил бы в небе печать,
Превратил бы всю землю в пустыню.

Он желал бы постричь под гребенку весь мир,
Чтобы все одинаковы были!
Чтоб блестел, словно стол, бесконечный такыр
В легкой дымке сдуваемой пыли.

Говорят, никому не приносит вреда,
Исполнителен, строг, аккуратен.
Но ему безразлична чужая беда,
Он — одно из безжизненных пятен!

Ничего он не слышит, хоть крикни: «Пожар!» —
За стеной своего кабинета.
Говорят, отдает он работе весь жар...
Только «жаром» лишь кресло согрето.

Как такому доверили должность и власть?
Проявил он старанье на деле:
Там, где месяц всего похозяйничал всласть,
На полвека поля опустели!

Безмятежно и тихо живет рядом с ним,
Верно служит, не зная сомнений,
Незаметный, но нужный ему подхалим,
Продвигаясь бесшумнее тени.

Для такого улыбка начальства — как мед,
Даже взгляд свысока — что награда.

Не стяхнет он с себя даже птичий помет:
Он ведь сверху! А вдруг так и надо?

За умение скрадывать собственный рост,
Жизнь начальника знать по минутам
Он с годами займет соответственный пост,
Если станет совсем лилипутом.

Устроитель успехов и мастер удач,
Он ведь просто зажиточный нищий!
Поглядишь — он одет и обут как богач,
Но в душе у него — пепелище.

Карьерист с подхалимом — как два близнеца,
Почитают начальство, как бога!
Карьерист — он ведь тоже лицо без лица,
И душа его так же убога.

Карьерист бюрократу роднее, чем брат.
Но роднит их не кровь, а чернила!
Не работа обоим нужна, а парад,
Не народ, а «рабочая сила».

И теперь, забираясь на эти холмы,
Что все выше росли год от года,
Карьеристы кричат, что их выбрали мы,
Прикрываются волей народа!

Смотришь — каждый из них перестройке не враг,
Он горами, работая, движет.
Только жалко, что это — лишь горы бумаг,
Если к ним приглядеться поближе.

А спроси карьериста: зачем ты воздвиг
Небывалые эти вершины?

Он ответил бы, если бы врать не привык:
«Ради дачи, квартиры, машины».

Целый край от потоков бумаги зачах,
Но писали об этом иначе.
И кричали, конечно, в победных речах,
Что построен завод, а не дача!

Мы и сами с годами привыкли молчать —
Возражения, мол, бесполезны...
И клеймом равнодушия стала печать
Под рукой карьериста железной.

Нет, не холмик невинный — пустыни пятно —
Для себя лишь живущие люди.
А когда эти пятна сольются в одно —
Не объедешь за год на верблюде!

Омертвели они на высоком посту,
Это — груды бесплодной породы.
Их сердца очерствели: ведь их за версту
Обтекают подземные воды.

Равнодушные могут раздать миллион
Не своих — государственных денег.
На глазах равнодушных обходят закон
Мелкий жулик и крупный мошенник.

Не ограбят они никого, не убьют,
Но спокойно живут с ними рядом
Наглый взяточник, очковтиратель и плут,
Бюрократ, сплетник, брызжащий ядом.

МОЕ БЕССМЕРТИЕ

Я хочу рассказать о бессмертье моем.
Пусть заплачет струна на старинном танбуре.
Я для вас пропою с тишиною вдвоем
О сиянии звезд, о покое и буре...

Я родился зерном, я лежал в темноте,
Слышал шорох червей, и дыханье растений,
И движенье корней, что несут к высоте
Сладкий сок молодой из подземных владений.

Молодым тополком я в разливах тонул,
Злые ветры сгибали мой ствол непокорный.
Но упрямо ладони я к солнцу тянул
И на свет из земли пробивался упорно.

Я поднялся, я выжил, чтоб долго стоять,
От дождей укрывая усталых скитальцев.
Но срубили меня, и земля, словно мать,
Целовала мои омертвевшие пальцы.

Я на травах дремал, и росли сквозь меня,
Через плоть мою стебли душистых соцветий,
Полосатых шмелей ароматом маня.
И летели по белому свету их дети.

И теперь мои внуки повсюду растут.
Они живы, и я в них не ведаю тленья.
То шиповником ярким к груди моей льнут,
То упругой лозой обвивают колени.

Я бессмертен, я жив, я везде и во всем —
То урюком купаюсь в серебряных росах,
То зеленой преградой — колючим кустом
Охраняю я поле от снежных заносов.

Я — тутовник, людей одеваю в шелка,
Моей ягоды сок — на губах ребятишек
Каплей крови горит, и живу я, пока
В их груди моя сила надежная дышит.

Много жизней прожил я на этой земле,
Много солнечных зерен я в поле посеял.
Сколько горя терпеть мне пришлось по зиме,
Сколько льдов растопил я порою весенней!

Только память об этих холодных снегах
Просочилась в меня и навеки осталась.
Выпадает роса на заросших щеках,
Словно слезы утрат, словно жизни усталость.

Пусть снега и буран — я не прячу лица
Ни от бед, ни от волчьего злого оскала,—
Пусть топтали мне грудь сапоги подлеца,
Но и детская ножка босая ласкала.

Не коси меня, смерть,— затупится коса.
Убивали не раз меня, да не убили!
Пусть гуляет беда по моим волосам,
Лишь бы сердце земное шаги не давили.

ЗНАК ЛЮБВИ

Если весть о тебе принесет
Вольный ветер из жарких степей
Или с горных повеет высот
Нежной свежестью утренних рос —

Припаду к его добрым устам —
Нет мне друга верней и милей —
Знак любви от тебя он принес,
Все на свете за это отдам!

Если весть о тебе Сырдарья
Принесет на прохладной волне,
Знак далекой любви мне даря,—
Значит, вспомнила ты обо мне!

Если в поле закружится мрак,
Черный всадник промчит в пустоту,—
Мой заклятый единственный враг
Крикнет имя твое на лету,—

Как я горько заплачу тогда!
На коня удалого вскочу —
Это значит — с тобою беда,—
И на помощь тебе полечу.

По горячему следу несусь,
По пустыням, горам и годам
Я к тебе, моя радость, стремлюсь,
Никому я тебя не отдам!

Не погаснет в глазах никогда
Свет далекой и вечной мечты.
Снова в небе мерцает звезда,—
Дорогая моя, это — ты!

Я — ЙОГ

Одни скучают на диване,
Другие — курят «Беломор».
А я блаженствую в нирване,
Я йогом стал с недавних пор.

Я тверд как сталь, я легче пуха,
И если выйду я на бой,
Вооружившись силой духа,—
С задачей справлюсь я любой.

Мне подчиняется природа,
Я все умею, все могу!
И воля целого народа
Заклучена в моем мозгу.

Я — йог, не поддаюсь унынию,
Хожу по лезвию луны,
Питаюсь я одной полынью,
Плечом сдвигаю валуны.

Могу за день растратить силы,
Которые всю жизнь берег,
Но встану даже из могилы,
Когда умру,— ведь я же йог!

Я, словно в собственной квартире,
Порядок в теле навожу:
Раздвину легкие пошире —
Я — йог, я праною дышу!

Приняв немислимую позу,
Я вдруг обрел волшебный дар:
Я нечувствителен к морозу,
Любой выдерживаю жар.

Я упражняюсь ежечасно,
Во мне энергия кипит.
Теперь мне многое подвластно,
Хоть я не богатырь на вид.

Да, я собой горжусь по праву.
Но ты, приятель, мне скажи:
Как ежедневно пить отраву
Жестокой клеветы и лжи?

Да, я познал секреты йоги.
Но как мне выйти против зла,
Когда я собственные ноги
Связал в подобие узла?

Я сам всю жизнь искал ответа:
Что есть добро и что есть ложь?
И понял — обойди полсвета,
А правды все же не найдешь.

Я — йог. Мои единовверцы
Находят истину легко:
Ищите правду в вашем сердце
И не ходите далеко.

О люди! Йогом стать готовясь,
Прошу я вас — душа горит:

**Живите так, как учит совесть,
Как сердце доброе велит.**

**Поверьте: слаще жить не будем,
Хоть сотни раз скажи: «Халва!»
Лишь правда помогает людям,
А не красивые слова!**

ПОД ЧИНАРОЙ

Где солнце кочует на крыльях орлов,
Где дремлют в горах ураганы,
Там путник усталый найдет себе кров
В пещере горы-великана.

Над этой пещерой чинара растет,
Она словно знак у дороги.
Она облака провожает в полет,
Встречает гостей на пороге.

Вздыхает под ветром она, шелестя.
Почудится — сердце займется,—
Что мать молодая качает дитя,
То плачет над ним, то смеется.

Там своды опутаны сеткой корней,
И только прикроешь ресницы —
Услышишь, как в тело чинары по ней
Горячая кровь заструится.

Под деревом этим священна земля:
Она наделяет любовью.
Напит она и тебя, и меня
Своею живительной кровью.

МОЩЬ ЕДИНСТВА

Закрывая от бешеных селей сады Намангана,
В страшной пропасти стражами каменных врат
Три огромных, в броне из камней, пехлевана
Нерушимо, непоколебимо стоят.

Может дикая мощь разыгаться жестоко,
Так, что стонет природа сама...
Но стоят на пути грязевого потока
Эти символы Силы, Любви и Ума.

Если вдруг ты столкнешься с коварным обманом,
Если в прах превратятся всей жизни труды,
Посмотри — великаны стоят над Гирваном,
Не боясь ни камней, ни огня, ни воды.

Если силы собрал для единственной цели
И опасности смотришь без страха в глаза,
То не сдвинут тебя ни лавины, ни сели,
Не сметет никакая гроза.

СЕРЕБРЯНЫЕ ИСКРЫ

Словно драгоценную шкатулку
С неба опрокинула зима,
Сыплет жемчуга по переулку,
Дивной красотой сводя с ума.

Вся земля — под белую фатою,
Чистою невинностью горда.
Все укрыто снежной пеленою —
Горы, реки, села, города.

Здесь, в горах, — суровая природа:
То дожди стеной, то камнепад.
Здесь опасна всякая погода,
Но зиме в горах всегда я рад.

Лишь зима одарит нас надеждой:
Долгожданный отдых до утра!
Накрывает белую одеждой,
Словно милосердная сестра.

И летят хрустальные пылинки
Нежностью прохладной у лица,
Серебрятся снежные былинки
На висках у старца и юнца.

Дарят отблеск солнечного света
Зеркала заоблачных красот.
Нам несут они привет от лета,
Весточку с космических высот.

Хлопя налетают словно звуки
Звонкой песни, спорящей с бедой,
И доверчиво садятся в руки,
Чтобы стать живительной водой.

ПАВЛИНЫ ДВОРЦА ФОНТЕНБЛО

Дворец Фонтенбло. По траве луговой
Павлины гуляют на воле.
Сюда не доносится шум городской,
Здесь тихо и мирно, как в поле.

Здесь толпы туристов глазают вокруг,
Теряются в зелени парка,
Надеясь, быть может, что где-нибудь вдруг
Увидят они Бонапарта.

Лишь статуи светят овалами лиц —
Им нет до истории дела.
От прошлого здесь — только стая жар-птиц,
Что будто бы с неба слетела.

Как будто усеян алмазами луг —
Цветов небывалых веселье!
Как будто бы выронил кто-то из рук
Диковинное ожерелье.

А птицы гуляют, хвосты распутив,
Их перья играют на солнце.
А эти — уселась рядком на карниз,
Глядятся в резное оконце.

Но жителей прежних здесь нет и следа,
Уста их давно онемели.
Лишь тени ушедших вернулись сюда
И в мраморе окаменели.

По этим аллеям как будто вчера
Форейторы в седлах летели,
Блестели начищенные кивера,
Кирасы на солнце горели...

Здесь сам император взирал на восход,
Сжимая бескровные губы.
Отсюда он начал бесславный поход,
Здесь смолкли военные трубы.

Смотрели бесстрастные лица скульптур
И статуй бессмертное племя,
Как воля одной из сильнейших натур
Кроила по-своему время.

Вот вспыхнули гвардии старой штыки,
Надвинули конники каски...
Он судьбы вершил мановеньем руки,
Храня безразличие маски.

Бледнея от счастья, он цедит слова,
Он дарит владенья и троны.
Пусть он невысок, но его голова
Превыше венца и короны.

И с лунным оттенком надменный анфас,
Что помнили дальние страны,
Глядит и сегодня с портретов на вас
С гримасой брезгливой и странной.

Свершился истории мудрый урок,
Незыблемы мира границы.
Где некогда шпоры чертили песок,
Гуляют прекрасные птицы.

Тускнеют былого величья черты
И тают вдали постепенно.
Но вечные знаки земной красоты
Сияют над нами нетленно.

ПТИЧИЙ РЫНОК

Где нежится Сена в объятых мостов,
Где волны текут на просторе,
Средь белых каштанов и пышных кустов,—
Там птицы порхают на воле.

А рядом — базар, где из птичьих рядов
Доносятся крики печали,
Как будто бы жители райских садов
В неволю случайно попали.

Наохлившись, чудные птицы сидят,
Богатым блестя опереньем.
Но, словно надет арестантский наряд,
На всех — полосатые тени.

Кто вольное небо увидел хоть раз,
С такой не смирится одеждой.
И прочь я спешу, чтоб не видеть их глаз,
Что смотрят сквозь прутья с надеждой.

Не хлопают больше их крыл паруса,
Не нужно им зерен и хлеба.
В неволе они, только их голоса
Взлетают до самого неба.

Я шел по бульварам, и в горле комок
Душил неизведанной болью.
О бедные узники, если б я мог
Вас выпустить разом на волю!

Я в Эйфеля башню, как в клетку, войду,
Чтоб чувство полета изведать.
Ведь тот лишь, кто понял чужую беду,
О ней может миру поведать.

Я в лифте наверх поднимаюсь, спеша.
Так вот она — горечь предела...
Пусть я не крылат, но крылата душа,—
Гляди, вон она полетела!

НОЧНОЙ ПАРИЖ

В этих улицах шумных —
Молочный туман выхлопной,
Расцвели на столбах фонарей апельсины.
О Париж,
Ты как вечный папаша хмельной —
Не узнаешь в толпе одинокого сына.

Млечной россыпью звездной
Рекламных плакатов огни,
Неживые глаза,
Что глядят с неживой парусины.
В этом вихре веселья
С тобой мы, похоже, одни,
Как на кочке болотной средь гиблой трясины.

За углом ядовитого зелья дымок —
И не суйтесь туда!
Там прически подростков торчат,
Словно сальные швабры.
Подойдешь — и подступит под горло
Гнилая вода.
Боже, где мои жабры?!

Зажужжали шмели золотые в ушах —
Это джаз из открытых окон —
На пиле и рубанке...
Вдруг немыслимым роком тебя оглушат,
Словно кто-то проехал на танке!

Ресторанчик, огни, толкотня,
Здесь хозяйка сама
Подает. Здесь танцуют — и дышат в лицо
Похотливо и жадно...
Душно! Ворот рвануть!

За углом — синемá,
Там темно и прохладно.

Там прилично вполне.
Наконец-то настала пора
Отдохнуть от жары
И публичного вздора.
Чьи-то ноги в ажурных чулк... ах! —
Распахнулась пола,
Промелькнула нога от Диора.

Густо дышит экран
Эрогенную жаркой волной.
Эти зубки — пардон! —
Что фарфора белее...
Прочь отсюда, скорее на воздух,
За мной!
Под каштаны, под небо,
На волю скорее!

Здесь гуляют и пьют,
Обнимаются, стонут, сопят,
Здесь читают стихи,
Там, потея, кого-то целуют.
Есть живой кто-нибудь? Эй, откликнись! —
Живые все спят.
Остальные танцуют.

МЕЧЕТЬ ДЖАМЕ

Здесь летом не бывает зноя,
Сюда нет доступа зиме.
Хранит безмолвие резное
Мечеть по имени Джаме.

Весь храм как древняя шкатулка:
Он нем, загадочен и пуст.
Тут слово не раздастся гулко —
Оно растает возле уст.

Лишь время бьется, словно муха
В узорной вязи потолка.
И ты, не напрягая слуха,
Почувствуешь — летят века...

Здесь нет ни арок многотонных,
Ни сводов гордой вышины:
В двухстах двенадцати колоннах
Блуждает призрак тишины.

Колонны велики не ростом,
Не мощью славятся они —
Здесь имена далеким звездам
Дал гениальный Бируни.

Тут рядом — вымысел и чудо...
Легенда, сказка и судьба.
Плечо могучего Махмуда¹
Касалось этого столба.

А этот столб в глубокой нише,
Куда не проникает свет,

¹ Пехлеван Махмуд — знаменитый поэт прошлого.

Быть может, в память Алпамышу¹
Поставлен до скончания лет...

Пушкой иной заметит трезво —
У этой крыши малый вес...
Но славу древнего Хорезма
Резных колонн делеет лес.

Как ветви вымерших растений,
Меж них сплетается узор,
Скользят таинственные тени,
Во тьме мерцает чей-то взор...

У зодчих было чувство меры,
И знали мастера о том,
Что не столбы — устои веры
Поддерживают божий дом.

Так путник, миновав просторы
Со дна ущелья в вышину,
Поднимет взгляд — и видит горы
И днем взошедшую луну.

Здесь сам народ увековечен!
Да, это так, наверняка —
Так люди, мир взвалив на плечи,
Его несут через века.

¹ Алпамыш — герой народного эпоса.

ЛЕСТНИЦЫ НАЗЫМА ХИКМЕТА

Пройдя
 сквозь годы тюрем
 и страданий,
Приехал к нам в Ташкент
 Назым Хикмет...
Мы так хотели, чтоб его издали,
Но он приехал к нам
 в такой момент,
Когда в лесах
 издательство стояло,
Когда царил на стройке ералаш...
Его, больного,
 добрых рук немало
На самый верхний подняло этаж.
Его —
 как легендарного пророка,
Прошедшего сквозь тысячи невзгод...
Но ведь Назым Хикмет
 любил народ
И помощь в дружбе
 не считал пороком.
Поэта
 руки добрые несли,
И пусть потом скрипели половицы —
Листал он руки
Словно книг страницы...
Он понимал язык моей земли...

* * *

Душа моя, как столбик ртутный,
Лишь только прикоснись рукой,
Определяет поминутно
Друзей моих — мой непокой.

Жары особой мне не надо,
Ведь я хочу, чтобы тепло,
Как будто бы души отрада,
Весенней радугой текло.

* * *

На рассвете спустилось к нам облако белое
Из-под самых небес,

свысока,

свысока!

Повторяя,

что люди с усердием делают,

Собирая в хирманы с полей облака.

Вроде облако то же,

А вроде другое,

Но их нету, наверное, в мире родней,

Ведь земное не может прожить без дождей,

Без людского старания и покоя.

И воздушному облаку вреден покой,

В океанах рождается облако белое,

Север снег из снежинок на севере делает,

А на юге проносится дождик шальной.

Вот бы так по заказу — на все времена!

Как бы было прекрасно все и предсказуемо!

Весь бы хлопок с полей собирала страна,

Как сегодня об этом пейзаж вам рисую я.

Но лишь радио скажет, что будет туман,

И замрут в ожидании солнышка лайнеры,

Облаками все взлетные полосы ранены.

Облака, облака, это самообман...

* * *

Трактат о жизни я решил составить,
Учесть в нем все аспекты бытия:
Кем мог бы быть на этом свете я?
И чем бы мог
я род людской прославить?

Смотрю:
да, жизнь моя была пестра,
Вот я стою
чинаром долговязым,
С листвою,
пожухшей с раннего утра,
К земле
лишь корневищами привязан.
Ну ладно бы
цветением дымил,
Ну ладно б
тень свою бросал к дороге,
А то порой непостоянным был
И от себя,
и от людей далеким...
Но цвел я и гранатом по весне,
И был я виноградною лозою,
И соки бушевали так во мне,
Что самому казалась жизнь хмельною.

Под посторонним взглядом
лепестки
Я сбрасывал,
как будто бы стеснялся,
Но солнцем виноград мой наливался,
Чтоб ощутить тепло твоей руки.

Из алого возник я мятежа,
Когда из двух одна душа рождалась,
Когда в меня,
в еще такую малость,
Входили жизнь и песня не спеша...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АБДУЛЛЫ

В тот день,
 наверно,
 небо было синим...

Но взрыв созрел,
И из седых глубин
Родился мудрый, праведный и сильный
Земли узбеков ясноглазый сын.

И мир возник из хаоса,
 из бездны
И приобрел знакомые черты,
Что нынче человечеству известны
Как всполохи душевной красоты.
Открыв сосулек влажные ресницы,
По-доброму теперь глядят дома.
И нам добро давно уже не снится,
Ведь к нам нисходит доброта сама.
Недаром из глубин тысячелетий
Меж звезд струился
 плазменный поток,

Чтоб стать землей,
Ее решая в цвете,
Зеленый брошен был в него платок.
И вот зима сменяется весной,
Приходит праздник,
 и тогда поэт
Льет, словно солнце, лучезарный свет,
Чтоб стала песня радостью земною.

* * *

— Абстрактна правда,
не пекись о ней,
поэт,
Звезд в небе много,
а посмотришь днем,
их нет.

Не в небе правда.
Правда в сердце у меня,
Я честен у ее зовущего огня.
Поэт,
ты думаешь,

что через толщи лет
Одной лишь правды к нам пробился свет?
Да, я как птица,
перенял полет.

И вот лечу, куда она зовет!
Но не в одну лишь правду ты влюблен.
Ты любишь женщину,
ты ею полонен.

Любить
не значит быть в плену всегда.
Любовь под сердцем,
это не беда...

Но ты ведь любишь
почитай что всех:
Животных, птиц, траву,
ведь это ж смех!

Подумай лучше,
жизнь тогда полна,
Когда душа всем отдана до дна.
Ты думаешь, слова все это?

Нет!
Всей жизнью
Продиктован мой ответ.

ПАМЯТНИК НАСРИДДИНУ В БУХАРЕ

Кому он только не известен?
Вот и теперь, как надлежит,
Он в Бухаре на видном месте
На главной площади стоит.

А рядом с ним упрямый ослик,
Что был хозяину под стать,
Вдруг заупрямился,
 чтоб после
Своим упрямством удивлять.

Мне странно видеть Насриддина
Застывшим в камне
 в наши дни...

Ну что осел? —
 Осел скотина!
Возьми его ногою пни...

А Насриддин нам очень нужен...
И вот услышал он меня:
— Ведь слово меткое — оружие! —
И для сегодняшнего дня.
И мы давно ушли из камня,
От пьедестала отрелись.
Все потому, что жизнь нужна мне...
Мне интересна ваша жизнь!
Я знаю, нас никто не слышит
И все проходит мимо нас...
Но вот осел
 мне в руку дышит,
Знать, нравится ему Парнас!

КЛАДБИЩЕ ДИНОЗАВРОВ

Гранитные ребра у Гоби,
В них жаркие дремлют пески,
Что твердыми складками скорби
Легли от верблюжьей тоски.

Здесь сгинешь — никто не отыщет,
Кругом лишь пески да жара...
И вдруг выплывает кладбище —
Огромных костей веера.

Ни озера рядом, ни речки,
Куда же смотрел их вожак?
Барханы, как шкуры овечьи,
Куда ни посмотришь, лежат...

А может, нарочно завел их
Вожак в эту мертвую тишь?
Но жаркий песок не замел их.
И вот ты пред ними стоишь...

А может, вожак перепутал
Высокие звезды в ночи?
А может, вздремнул перед утром?
А кладбище, ясно, молчит.

Ах, Гоби,
ах, Гоби,
ах, Гоби!

Гуляют над Гоби ветра.
Песок уже нынче не губит...
Вчера это было, вчера...
Когда динозавры летали...
Но кто это знает?

Никто!

Сегодня века распластали
Останки на жарком плато.
Стою я, где спят динозавры,
На кладбище древнем стою..
И думаю: что, если завтра
Такой
встречу землю свою?..

Не сможешь встать —
тогда,
улар,
лети!

Подранком им
Не попадайся в руки.
Ведь у врагов давно уже не луки...
Случиться может всякое в пути.

* * *

Зной —
танцовщик пустыни Гоби,
Он, как йог,
по седым углям
Ходит,
пляшет,
Как будто губит
И себя,
и планету сам.
Не прошел бы я ни за что бы
Этот круг за все миражи.
Он же — див,
Как принцессу, любит
Ад песочный от всей души!

Он вышел в толпу из театра,
Недавний волшебник и маг.
Устал он,
Немного размяк,
Чтоб вновь стать властителем завтра.

К шашлычникам льнула толпа,
К стене оттирая актера.
Ужели и вправду слепа
Мордастых шашлычников свора?

Актер только в гриме хорош,
А здесь, на проспекте, без грима,
Актера не ставят ни в грош.
И зрители шествуют мимо.

Ведь тех, кто печет пирожки
И весело ими торгует,
Лишь шелест червонцев волнует,
Им больше торговля с руки.

Вы скажете — это народ!
А я никогда не поверю,
Что этот торгующий сброд
Был вхож в театральные двери.

Кто только что рукоплескал,
Увидев актера на сцене,
Тот видел актера рождение...
Не мог он рассматривать зал.

Учитель, спокойно иди,
Тебе не уступят дорогу,

Тебя на обычном пути
Еще потолкают немного.

Ты в силу
Лишь завтра войдешь...
Когда ты наденешь доспехи,
Ты снова без всякой помехи
Всю власть над толпой обретешь!

ЖАВОРОНОК В НЕБЕ

С давних пор изумляют нас
Деяния природы, ее дела.
Она дарованья и силы всем
Совсем не поровну раздала.
Окинешь взглядом одни места —
Раздолье зелени и цветам.
А где-то — голая степь, солончак,
Цветку на свет не пробиться там.
С удачей и разумом вышло так —
Концов с концами здесь не свести.
Там в унижении — мудрецы,
Зато невежды — в большой чести.

Спокойно жили в огромном лесу
Жаворонки не первый год.
По древним птичьим законам своим
Жил бестревожно этот народ.
Потомство вырастить, мирно жить —
Не было большей заботы у них.
Не знали птицы напрасных трудов,
Крыльев не утомляли своих.
Но кровь есть кровь. Бывает, что в ней
Пламя вскипает... что тут поймешь!
Так вот и в жаворонковом роду
Вырос один, на других не похож.
Однажды он, облетев небеса,
Взволнован вернулся, и свежий пыл,
Свои сомнения и мечты
С единокровными разделил:
«Родичи! Может быть, хватит нам
В этом сыром лесу обитать,
Песней приветствовать каждый рассвет,
Каждый закат благословлять?!
Есть у нас разум и сила есть.

Язык наш чарующ... К чему впотьмах
Ютиться на этой тусклой земле,
Коль наше место — на небесах!
Давайте завтра же поутру
Всем надоевший покинем лес,
Тесною стаей все вместе взлетим,
Выстроим город среди небес.
Райские блага мы обретем,
Все наслажденья рая вкусим,
Вольно и радостно будем жить
В небе, не зная холодных зим!»
Боже! Какая великая мысль!
Многие к цели рвутся стремглав...
Все же раздался в птичьей толпе
Голос один, спокоен и здрав:
«Сын мой, мы благодарны тебе!
Рады дерзаньям твоим помочь,
В жилах у нас закипает кровь,
Омолодить ее мы не прочь!
Только немыслимо в небесах
Город построить, как хочешь ты.
Небо — бездонная пустота,
Не укрепить ни стены, ни плиты!»
Речь аксакала тут же прервал
Резкий юнец, своеволен, упрям:
«Ты нам, почтенный, не засти свет!
Лучше глаза не замазывай нам!
Мы — не слепые... Взгляни — облака
Держатся в небе, строятся в ряд...
Солнце, и тысячи звезд, и луна
Словно светильники в небе стоят.
Город построю! Пусть солнце с луной
Лопнут с досады в своей вышине,
Только дружной помогайте, с земли
Глину с водой доставляйте мне!»
Вот это новость! Не спали в лесу,

План обсуждали ночь напролет,
А на рассвете ударили в гонг,
К стройке призвали птичий народ.
Юный жаворонок взлетел,
В небе повис, и, победно-горда,
Призывная песня его звенит:
«Ну-ка, давайте воду сюда...»
День, и неделю, и десять дней,
Месяц за месяцем длились труды —
Жаворонок все парил в небесах,
Все еще глины просил и воды¹.
Столько крови и пота ушло,
Небо пустое — один итог...
В небе висит только «зодчий» сам.
Где же обещанный им чертог?
Поняли все (ведь не зря говорят,
Что у народа «тысяча глаз») —
Был аксакал не так уж неправ,
Толку не будет от дерзких проказ.
Но предводитель висит в небесах
И пораженья не хочет признать.
Знает: не выстроить город ему,
Но с высоты не сойдет ни на пядь.
Столько стараний, усилий, надежд
Даром пропало, а цель далека...
Столько насущных дел на земле
Было оставлено для пустыка!
Годы прошли... Но, дивя простаков,
Строя невидимые города,
Птицы иные взмывают, крича:
«Воду и глину несите сюда!»
Если таких повстречаете птиц
И вовлечетесь в такие дела,
Сами поверите вы, что не зря
Сочинена эта притча была.

¹ Г л и н а, в о д а — на узбекском языке слова, созвучные с пением жаворонка.

СТЕНАНИЯ НЕДОСТРОЕННОГО МИНАРЕТА В ХИВЕ

Жил когда-то мастер и мечтал построить
Прекрасный минарет,
Такой высокий,
Чтоб облака за купол задевали,
Чтоб похожих не было на свете,
Чтобы весна, когда его увидит,
Ему дивилась!
Каждая ступенька
Должна была о жизни говорить
Тому, кто всходит!
Чтобы о величье
Все говорило в нем,
Чтоб люди
Глядели в него и окрылялись!
И мастер к хану с просьбой пришел:
«Он станет государства украшеньем!
И памятью о вас
Грядущим поколениям!»

И началось строительство тотчас.
Был минарет великою мечтой простого человека,
Но правитель —
Искать не станет славы под рукой,
Он затевает дальние дела!
Опять война! Опять сраженье близко!
Но мастер тверд: «Что б ни было — построю!»
Зовет к себе сородичей своих —
И на аршин еще поднялись стены.
Призвал друзей и верных земляков
И поделился искренней мечтой —
И на аршин стал выше минарет.
«Построю минарет!» — и нет других желаний.
«Хоть по миру пойду, пусть стану попрошайкой,
Но минарет дострою!»

На аршин поднялись стены. Он до половины
Довел строительство. Но в это время
Его окликнули и приказали так:
«Кончай работу! Хану воин нужен!»

И мастер уходил, но все глядеть назад не уставал!
И мастер шел, но часто спотыкался.
И мастер шел, и плакал, и смотрел.
Мечты он половину уносил,
А половина — полуминаретом вдали стояла.
И мастер шел, куда — никто не знал.
Ушел, чтобы вовеки не вернуться.

Но ведь природа — не жестокий хан.
И не лихие времена — природа.
Она в ладонях воющих ветров
Охалки белых облаков зажала
И — молниями — к полуминарету
Их пригвоздила!
С раннего утра
И до полудня — солнечных лучей
Поток живой она лила на стены...
А с позднего захода до рассвета
Она бесчисленные звезды на него
Нанизывала...
Только минарет все оставался той же половиной!
И только половиной оставалась
Великая мечта простого человека.

В Хиву сегодня тысячи людей
Съезжаются со всех концов земли.
Полумечта ты, минарет!
И в сердце каждого, выдавшего тебя,
Восходит полуминарет — мечта,—
А может быть, и целый минарет...

ГРАНИЦА СВЕТА

Мы говорим: океан,
Море,
Река,
Озеро,
Пруд,
Капля,
Росинка...

А в двадцать лет он сел на трон, наш принц,
Отца упрямее был он, наш принц.
Все «я» да «я» твердил всегда наш принц,
Взбесился, видно, вот беда, наш принц.
Позвал он как-то мудреца в дворцовый зал,
Сверкнул глазами, и ему он так сказал:
«Всю жизнь у трона ползал ты, все врешь,
А чем, скажи, помог отцу? Грабеж!
Кому твой ум служил? Провел ты нас,
По чести службу сослужи хоть раз,
Границу света покажи ты мне,
Чтобы отца я превзошел в войне!
Знай, цель моя — земли простор и моря гладь.
Не выйдет — так зачем царем себя мне звать?»
«Дитя!.. — так мудрый говорил. —

Здесь смысла нет...»

«Молчи, не нужен мне совсем такой совет!»
«Дитя...»
«Ты слышал мой приказ, что я сказал?..»
«Не пробуй, это — бездна бездн, конец, провал!..»
Но непреклонен гордый принц и шлет вперед:
«Веди — или тебя петля, гляди, найдет!»
И вот пошли они, идут одним путем,
И до границы той страны дошли вдвоем.
А вдоль границы там стена свой путь ведет,
И перед ними — разворот двойных ворот.
«Но это все же не предел, не край земли?»

« Ну да... Взгляните, караван пылит вдали!»
«Взгляните — ряд идет туда, а тот — сюда!»
«Я не слепой! Ведь это так везде, всегда!»
« Нам для примера подойдет верблюд любой,
Останови-ка и любой сундук открой!»
Ну кто б послушался, когда сам шах велит?
К нему верблюда подвели, сундук открыт...
Да в сундуке — вот чудеса! — открытом том
Вдруг оказался целый мир, весь окоем:
Там царство есть
И есть стена,
А меж ворот
Двойных
Такой же караван
Двойной идет!
Заходит точно так же ряд,
Выходит ряд,
И на верблюдах — сундуки
Точь-в-точь висят.
«Да что же это?!»
«Придержи его рукой,
Останови, сундук литой скорей открой!»
Глядит наш принц
И ничего не говорит.
Верблюда держат.
И перед ним
Сундук открыт.
А в сундуке — вот чудеса! — открытом том
Вдруг оказался целый мир, весь окоем:
Там царство есть
И есть стена,
А меж ворот
Двойных
Такой же караван
Двойной идет!
Заходит точно так же ряд,

Выходит ряд,
И на верблюдах сундуки
Точь-в-точь висят.
«Нам, как и прежде, подойдет верблюд любой,
Останови-ка и литой сундук открой!»
Ну кто б ослушался, когда сам шах велит?
К нему верблюда подвели, сундук открыт...
Да в сундуке — вот чудеса! — открытом том
Вдруг оказался целый мир, весь оком:
Там царство есть
И есть стена,
А меж ворот
Двойных
Такой же караван
Двойной идет!
Заходит точно так же ряд,
Выходит ряд,
И на верблюдах сундуки
Точь-в-точь висят.
И смотрит принц наш, потрясен, в глазах испуг,
И торопливо он велит открыть сундук.
А в сундуке — другой сундук
И тот же сон,
А принцу мало, и идет все дальше он...
И так, не ведая преград, хоть верь не верь,
Не останавливаясь, шел из двери в дверь!
Сороковой сундук открыт,
И он сказал:
«Ну, хватит, вижу, нет конца...
Я так устал!..»
«Взгляните в зеркало, мой шах...»
«А что там? А-ах!»
И разом принца пронизал великий страх.
Не принц, не юноша предстал его глазам —
Перед собою старика увидел там...
«О боже! Мигом палача! Мошенник он!

Колдун проклятый! В старика
Я превращен!»
«О нет, вы сами тут одни, мой шах, виной,
Что ваш рассудок опьянен был лишь войной.
Ведь вы не сорок сундуков насквозь прошли —
Вы сорок весен, сорок лет
Перевели.
И вот сейчас вам шестьдесят. И чуда нет.
Вы убедились наконец, нашли ответ —
Что бесконечный этот мир — ничей и всех,
И жизнь растратить на войну — великий грех».

ТАЙНА ПРИРОДЫ

В весеннее время, когда деревья вспыхивают зеленым огнем и птицы, прыгая с ветки на ветку, весело распевают, обращали ли вы внимание на то, что эта картина природы напоминает вам взбалмошных, увлекающихся играми веселых ребят?! Горная речка? Она словно ватага озорников, прыгающих с камня на камень, гонящихся друг за другом! А алый мак очень похож на лицо девчонки, которая за какую-то маленькую провинность краснеет перед отчитывающей ее матерью! Почему так? Почему зеленая природа напоминает безгрешное и чистое, оживленное и сверкающее, бескорыстное и мечтательное время нашего детства?!

Это тайна. Но легенды разгадывают тайны.

...Обычное горное селение: посреди течет бурная река, вокруг — сады, деревья, короче — мир птиц, цветов, вольного ветра.

Село разделено на две части, но речка тут ни при чем. Исполнок века село это располагалось на неровной пересеченной местности. Оно разделилось на две части еще и потому, что жители этого села не очень-то уживались друг с другом, зачастую старались избрать старейшиной только своего человека, иногда во время свадеб подерутся, а то еще что-нибудь произойдет из-за распределения воды, и не дай бог, если ветер подует с другой стороны и принесет дым или пыль с хирмана на эту сторону, где просеивают зерно, — обязательно случится какой-нибудь скандал: стенка шла на стенку, вскипала поножовщина, летели камни и много чего еще случалось.

Однако о детях такого не скажешь. Они всегда вместе. Как только кончится учеба, все бегут в зеленую степь: играют и пасут баранов, а на обратном пути еще и разных трав собирают, чтобы матери приготовили пирожки с зеленью. Дети тоже иногда «ссорятся», бывает — и подерутся, но эти ссоры так же мимолетны, забываются так же быстро, как весенние молнии и дожди.

Многие годы так и шло...

Но однажды ребята вернулись из степи с игрищ и увидели... Что же они увидели?! Да ничего! Совершенно ничего! Не было ни села, ни бурной речки, ни зеленых деревьев, ни птиц, ни цветов, ни садов — совершенно ничего! Остались одни пепелища, развалины,

дым, следы крови... Словно разверзся перед глазами ад, о котором они слышали из сказок. Ужас и горе предстало их взору.

Дети! Бедные дети, сироты...

Небо, пожалей их! Сделай милость! Они-то при чем? Что же они будут делать теперь?! Куда пойдут? Как жить будут?!

Природа, дорогая мать-природа, посмотри, какие одинокие и несчастные они стоят перед тобой!

Но природа была нема, она тоже была мертва, раздавлена... Ужасный вид побоища леденил кровь. Но ни один ребенок не заплакал. Почему? Да просто им до сих пор не приходилось переживать таких ужасов в жизни. Исчезновение всего живого и самого жилья их казалось какой-то таинственной сказкой, не более. Им казалось, что село околдовано какой-то неизвестной силой и вот-вот все вокруг примет свой прежний вид.

Но нет, ничего не случилось. Дети стояли долго-долго, но чуда не произошло. На сей раз взрослые вели сражение серьезно и беспощадно...

Да, война взрослых — это не те весенние молнии и дожди, которые так похожи на детские ссоры.

Война взрослых — такая же трагедия, как извержение вулканов, землетрясения, ураганы!

В такое время никто не вспоминает о судьбе детей!

Дети, словно околдованные, онемели перед картиной того, что было раньше их селом.

Наконец раздался удивленный голос самой маленькой девочки:

— И цветы все сгорели... А там была чинара... на ее ветках жили птицы...

И опять наступила тишина. Через некоторое время послышался дрожащий голос:

— Что же делать с этой мятой, я ведь хотела отдать ее маме?..

Один за другим раздавались тихие, испуганные, плачущие голоса:

— А где же моя бабуля?..

— Наша желтогривая лошадь только вчера родила красненького, словно огонь, жеребенка...

— Ой... Где же речка, бурная речка?.. Которая разделяла село пополам?

Вдруг из толпы донесся громкий стон:

— Отец, отец! Где же вы?.. Мне страшно!.. Отец!..

Этот возглас родил в маленьких сердцах чувство потерянности и одиночества, и дети невольно прильнули друг к другу. Им казалось, что вокруг витает какой-то беспощадный дух, чудовище. Они стояли крепко обнявшись, и не было силы, которая могла бы их разъединить!

Им казалось, что если кто-то осмелится отделиться от толпы, то невидимое чудовище сразу же проглотит его.

Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы вдруг один из ребят не вырвался из толпы:

— Эй, кто тут есть?! О боже... Эй, небо!.. Где мое родное село?! Где же мой отец, моя мать?! Где новорожденный красненький мой жеребеночек?! Где же моя бурная речка, мои птицы?.. Где мой де-душка, где мой дом?! Верните мне их! Верни-ите!

Сколько ни старались ребята его успокоить, не могли утешить, он катался по земле, по пеплу и крови, стонал и кричал:

— Где же вы, мой отец?.. Мать моя?..

В это время заговорила та же девочка, которая первой подала голос:

— Моя мама однажды сказала, что я выросла и теперь одного роста с тюльпаном. Теперь и его тоже нет... Как бы мне хотелось превратиться в тюльпан.

И вдруг произошло чудо. Девочка превратилась в красный тюльпан. А стонавший мальчик от изумления умолк и вдруг начал рыдать еще сильнее.

— Я уйду отсюда!.. Уйду и не оглянусь!.. Уйду, как быстрая речка, которая бежала здесь...

И мальчик бросился вниз. Несколько его ровесников кинулись за ним, чтобы остановить, вернуть. Но мальчик вдруг пропал, а перед ними зашумела, разливаясь, бурная речка, стремительнее прежней...

Все отшатнулись. Удивление и страх исказили лица. Из толпы вышел мальчик, который был выше всех ростом, строгое лицо его обратилось к друзьям:

— Оказывается, кто-то слышит наши рыдания. Двое друзей наших не успели высказать свои желания, как сразу же превратились в то, что хотели видеть. Не знаю, как вы, но и я хочу высказать свое желание. И пускай каждый откроет, что у него на душе! И пусть превратится в то, что ему любо...

И вот на берегах той кипучей речки появились чинары, дома, сады, птицы. Показались старики, мужчины, женщины. Где-то, подпрыгивая, весело заржав, промчался красненький жеребеночек.

В селе снова закипела жизнь.

Весной, когда весело поют птицы, зеленеют деревья, бурно течет речка, цветут алые цветы, обратите внимание на одну особенность! Все, что вы видите, напоминает вам безгрешную и чистую, бескорыстную и романтическую пору детства, ее игры и шалости. Почему так?!

И я хочу задать этот вопрос всем: почему же так?! Почему природа родной земли вечно призывает нас в свои объятия?! Почему как только мы остаемся с ней наедине, то душа наша светлеет и взгляд делается чище? Почему каждую травинку хочется приблизить к глазам и расцеловать каждый цветок? Почему мы так хотим окунуться в родниковую воду и вдоволь напиться, даже не испытывая жажды? Почему старики так похожи на детей, а дети тянутся к старикам? И почему всегда самой светлой порой жизни мы считаем детство? Кто возьмется, кто решится ответить на эти вопросы?

БОГАТЫРЬ НУРЖАН

С кем только случай не столкнет и с кем ни встретишься
в пути,

С кем ни подружишься, когда судьба захочет вас свести!
Досадлив или терпелив, наслушаешься разных слов
И чьим-то станешь должником, а там — плати иль не плати...

Объехав царство, некий хан в свой возвращается дворец,
В повозке дремлет золотой. Оружием блещут сорок слуг...
Да только не такой здесь рай, как сей правитель полагал,
Не столь дороги хороши, не так прекрасно все вокруг.

И вот зашла кибитка в грязь — колеса с места не сойдут,
Толкают, тянут сорок слуг, да мало толку... Вот беда!
Пинают, лупят лошадей, грязь брызжет, и бессилен кнут,
Нет через несколько минут от прежней пышности следа.

Уже и полдень наступил, а суматохе нет конца,
И сорок витязей — в грязи, в ней сам великий хан увяз.
Меж тем навстречу им идет с веселой песней на устах
Могучий богатырь Нуржан, известный смелостью у нас.

Но почему родной народ богатырем его зовет,
Не только мощь в Нуржане чтит тот, кто сед, и тот,
кто мал?..

А было так... Едва Нуржан столкнулся с этой чехардой —
За суетою понаблюдал. Затем захохотал:

— Ох, мой великий хан, куда вас разгильдяи завезли!
Кто месит рядом с вами грязь! А нет чтобы царю помочь...
Эй, твердолобые глупцы, да чтоб вы сгнули с земли!
Мой хан, вы прикажите им прочь убираться! Ну-ка, прочь!

Хан подивился смельчаку... Ох, нагоняет грязь тоску!
Хан жестом отсылает слуг и важно смотрит, а Нуржан

Решительно вступает в топь, подходит к ханскому возку,
Подставив спину, говорит: — Садитесь, о великий хан!

И вынес хана богатырь на собственной своей спине.
О, как обрадовался хан, крихтя, благословил судьбу!
Меж тем Нуржан его слугу в конюшню Алтмышбая шлет,
Чтобы с четверкой лошадей доставить байскую арбу.

Всего лишь полчаса прошло, а уж порядок наведен,
Вновь гордо восседает хан. (Бай счастлив угодить ему...)
— Джигит, что хочешь попроси! Желанье выполню твое!
— Ну что вы! Ведь не нищий я! Не надо, это ни к чему!

Хан молвил: — За добро добром велит платить обычай наш!
— Ах, мне не надо ничего! Но раз настаивает хан...
Довольно будет, коль меня при встрече спросите кивком:
Как, мол, твои дела, Нуржан? Я буду счастьем сияя!

С тем и уехал хан... Теперь, когда Нуржана встретит он,
Кивком приветствует его: мол, как, батыр, твои дела?
...Да! Шутка ли! Сам грозный хан отвешивает свой поклон,
Невероятная молва по всем селениям пошла.

И вот уже к Нуржану в дом текут просители толпой,
Тот взятку крупную сулит, а этот ценный дар несет:
Авось заступится за них, замолвит слово богатырь...
Нуржан деньгами и добром вдов оделяет и сирот.

Нет, к хану не пойдет Нуржан стараться ради тех воров!
...И пострадавшие пришли к владыке, сетуя: — О хан,
Зачем с ничтожеством таким здороваться вам, государь?
Хан — это хан! Пресветлый хан, опомнитесь! Что вам Нуржан?

И, не промедлив, властелин призвал Нуржана во дворец.
Лукаво говорит: — Проси другой ты дар какой-нибудь!

Конечно, лучшей из наград ты заслужил за подвиг свой...—
Нуржан — смекалистый джигит, он сразу понял, в чем тут суть.

— Я тронут милостью, мой хан! Заботой ханскою польщен.
Я понимаю, вам видней... Все верно! Я согласен, да!
Конечно же без ничего грешно покинуть дом святой...
Что ж!.. Ветер, о великий хан, вы мне пожалуйте тогда!

— Как ветер? — изумился хан, смеется свита над глупцом.—
Что с ветром будешь делать ты?.. Но воля, богатырь, твоя!
Бери, Нуржан!..— Но кто поймет, что у Нуржана на уме...
— Вы мне пожалуйте ярлык, что ветром управляю я!

С веселой песнею Нуржан в свой возвращается кишлак.
Идет осенняя страда, уборки жаркие деньки...
Постой-ка! Что там впереди? Не Етмышбаев ли хирман?..
Зерно в клубящейся пыли провеняют батраки.

— Эй, Етмышбай! Мой ветер взял и разрешенья не спросил!
На грамоту взгляни, ее мне хан вчера изволил дать! —
Бай поражен: — Что делать мне?!
— А вот что! Треть зерна — моя! —
Взъярился, заругался бай, но видит ханскую печать...

Все, что от бая получил, вновь батракам раздал Нуржан.
Сам к Саксанбаю напрямик идет... Такие-то дела!
Там тоже получил свое и снова отдал батракам.
Заговорил о нем народ, и далеко молва пошла.

Перепугались богачи, бегут толпою во дворец:
— От дел таких, великий хан, и для казны — разор один! —
Опять Нуржана кличет хан: — Оставь в покое ветер! Знай,
Все, что гуляет вольно, есть именье божье... Так, мой сын!

И сразу все смекнул Нуржан: — Мой хан! Уж так тому и быть!
Конечно, ветер я отдам... Пусть жертвой я паду за вас!

Я счастлив в ваше время жить и, коль хотите одарить,
Пусть буду смехом управлять! Извольте написать указ!

— Гм! Это — дело! Что ж, Нуржан, отныне смехом управляй! —
...И снова с песней богатырь в кишлак шагает большаком.

— Ха-ха! Вот — Туксанбаев дом! Здесь весело, здесь —
пир горой!
Бурлят огромные котлы. И... взрывы хохота — кругом!

Да, это то, что нужно нам... И властно входит в дом

Нуржан.

Глядит: пятнадцать байбачей играют в кости, пьют вино.
Звучит неразрешенный смех... А как же грамота царя,
Что смехом править и владеть Нуржану одному дано?!

— Смех прекратить! — кричит Нуржан, на середину вышел он
И ханский предъявил указ, подняв его над головой.
Он деньги с кона взял как штраф и на прощанье повелел:
— Не смейте скалить зубы зря! Отныне смех забудьте свой!

Вот это да! Такой беды еще не видано нигде.
Кто ж любит смех, кто больше всех хохочет на своем веку?
Конечно — знать и богачи, начальники и господа!
Они смеются громче всех... И не до смеха бедняку!

Опять в смятенье богачи... Ну, это не Нуржан — беда!
Опять явились во дворец и хану отдали поклон.
Взмолились, чтобы грозный хан от вымогателя их спас,
Хан, что сегодня до небес искусной лестью вознесен.

Зато заброшен богатырь камнями брани и хулы.
К правителю он снова зван... Хан неулыбчив в этот раз.
(Иль он боится, что Нуржан наложит за улыбку штраф...
Но только речь его жестка, и недвусмыслен был приказ...)

Да, но таков ли был Нуржан, чтоб уступить, уйти ни с чем!
Он молвил, до земли склонясь: — Мой хан! Прекрасна ваша
власть!

Повсюду в ханстве тверд закон, и справедливость здесь
царит.

Мне дайте долю от нее, чтобы насытился я всласть!..

— От справедливости? — Как быть?.. Задумался, смутился хан.
Признать, что в ханстве нет ее?.. Промашка, что тут
ни ответь!

И поневоле хан кивнул: — Ну, ладно, бог с тобой, Нуржан!
Так, но не вздумай обижать моих людей! Запомни впредь!

Еспешно шел домой Нуржан, но как-то не хотелось петь.
Казалось, в чем-то невзначай он сам ошибся или хан...
Но в чем ошибка? — вот вопрос. Не мог он ничего понять...
Рассказ мой кончен! Но теперь вы спросите: «А где Нуржан?»

С тех пор не видели его, вестей не слышно никаких.
На справедливость уповал там, где не ведали о ней...
И может быть, разбогател и в тучной праздности затих
Иль помер с голоду Нуржан... Второе, видимо, верней.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Колыбельная песня! Когда мать спела тебе впервые? Кто написал твои слова, в какую из эпох создал твой нехитрый мотив?! Разве мать длинными ночами поет лишь для того, чтобы усыпить ребенка?! Или просит она для ребенка своего заветных высших благ?! В любой семье на всем свете с рождением ребенка начинают петь эту святую песню; и сам малыш, и мать, и даже сама природа погружаются в сладкую, тихую дрему мечтаний. Если колыбельную песню случайно услышит взрослый человек, он задумается, но его одолеет не сон, наоборот — пробуждаются в его сердце неясные, полузабытые чувства, дорогие мгновения его детства.

В колыбельной песне скрыто особое очарование, чудо, святая сила, о которых мы даже не подозреваем!

Разия, Рабия, Гульджан. Три неразлучных подруги, ровесницы, наперсницы. Эти девушки росли вместе. Они вместе придумывали в детстве веселые игры и забавы. Положим, если Гульджан предложит сыграть в какую-нибудь игру, например в куклы, то Рабия сразу начинает мастерить из тряпочек куклу, а Разия берет ее на руки и убаюкивает. И праздник «рождения ребенка» они отмечали так же, как это делалось на их глазах взрослыми людьми. Разия колыбельную песню узнала от своей матери, когда та баюкала ее братишек. Но сама она тоже что-то сочиняла и дополняла ту услышанную песню:

Колыбель из яблони,
Мать сыночка подними,
Мать сыночка подними,
Его на руки возьми.
Баю-баюшки-баю.

Из джиды есть колыбель,
Любит мама все сильней.
Любит мама все сильней.
Спи, сынок, усни скорей.
Баю-баюшки-баю.

Колыбелька — абрикос,
Пусть не знает мама слез,
Пусть не знает мама слез,
Чтоб сынок быстрее рос.
Баю-баюшки-баю.

Игра с куклами им скоро надоедает. И не проходит мгновения, как они прибегают в тутовый или абрикосовый сад и играют среди деревьев. Иногда они даже играют с мальчишками в прятки. А потом бегут вприпрыжку к мутной речке Хизралияб, которая вытекает из Амударьи. А вечером все они, наигравшись и накупавшись, собираются у какой-нибудь из своих подруг. И там слушают таинственные сказания халфы¹. Женщины, покачиваясь в такт словам, со слезами на глазах слушают халфу. Девочки тоже, будто понимают, что халфа поет о чем-то печальном, сидят тихо, а потом, положив голову на колени своей матери, засыпают. Только одна халфа поет и поет:

Если я глаза закрою — навсегда, навеки,
Вы меня не обряжайте в дорогое платье,
Вы не плачьте надо мною, лучше забросайте,
Закидайте гроб мой бедный черными камнями...

Это происходило в древнем Гурлене. Так женщины проводили там длинные зимние вечера.

Весной же у всех появляются новые заботы. Женщины заняты приготовлением сумальяка². Мужчины смазывают жиром рога быкам и уходят в поле. Всю ночь под огромным казаном с сорока ушками горит огонь. Всю ночь все заняты чтением стихов, разгадыванием загадок, пением то веселых, то печальных песен. Наверное, люди становятся мудрее не оттого, что проходят годы, а оттого, что познают обычаи своего народа.

¹ Халфа — женщина, читающая древние рукописи.

² Сумальяк — блюдо из пшеничного солода, которое готовят всю ночь и всей махаллей.

Вот и три подружки повзрослели.

Одна из них поет так:

Я дитя Луны увижу, поглядев на небо вверх,
Позади увижу крепость, называется Гурлен.
Загубил мои надежды, отравил меня навек
Бая сын, ведь я не знала прежде горечи измен.

Вторая вторит ей:

Я была луною в небе, что кружится высоко.
Жеребенком несмышленым я на привязи была.
А теперь пришла, чтоб встретить здесь на празднике —
его.

Среди девушек-подружек я любимого ждала.

Третья подхватывает:

Ах, как трудно белый камень
Отдает морская гладь,
А еще трудней нам с вами
Друга милого сыскать.

Если хаит¹ приходит весной — это праздник и для девушек. Накинув веревку на дерево абрикосов и сделав таким образом качели, они состязаются друг с другом, кто выше взлетит. И опять звенят песни...

Осенью, когда созреет розовый рис, женщины собираются, чтобы обмолотить его. Опять песни, скороговорки, сказки...

Но самый большой праздник для девушек — свадьба. Когда выдают замуж подругу, они едут к жениху вместе с ней. Езда на арбах в лунную ночь с пением свадебных песен, костер на пороге дома жениха, через который нужно изловчиться пройти, шутки женщины, осыпающих невесту леденцами, нарвардой, церемония развязывания пояса

¹ Х а и т — религиозный праздник.

жениха... Все это открывает для девушек совершенно иной мир, их сердца начинают биться по-иному...

Разия, Рабия, Гульджан одна за другой достигли совершеннолетия. Им казалось, что теперь они живут иной жизнью, не той, что прежде, как будто приняли гражданство чужой страны и стали подчиненными чужому шаху, — в их сердца ворвалась любовь. Рабия и Гульджан очень скоро полюбили и жили в надежде ближайшей свадьбы. Но Разия почему-то не спешила, казалось, что она никак не могла распрощаться со своим детством, и ни на кого не обращала внимания.

А жизнь текла по-прежнему. В том году, когда хаит пришел весной, берега Амударьи заполнились народом. По преданиям известно, что на это гуляние из девяноста стран пришли хафизы¹, канатоходцы, купцы и гости. Здесь устраивали игры, готовили разнообразные блюда, пели песни и высказывали самые заветные мечты. На этом гулянье Рабия и Гульджан были все время вместе со своими парнями. Это задело Разию. Ей показалось, что ее подруги гордятся, похваляются своими парнями. Только детская дружба не давала вспыхнуть ссоре. По настоянию Разии они трижды прошли по торговому ряду, и в четвертый раз Разия захотела купить материю у одного молодого и красивого парня, приехавшего из другой страны. А парень, нисколько не задумываясь, так просто, от души, подарил Разие кусок материи. Вот это да! Девушки от удивления онемели. А Разия стоит гордо!

Закончилось гулянье. Но тем это дело не кончилось. Парень-купец распрощался со своими спутниками и остановился на постоялом дворе Гурлена. Каждый день он проходил по улице, где жила Разия. Все заметили, что между ними завязалась странная любовь. Странная потому, что в этих местах не принято, чтобы девушка любила парня-чужеземца, а дело-то шло уже к свадьбе.

Да, задумается тут. Разия сама растерялась. Но ни советы подружек, ни уговоры родичей, ни угрозы отца не помогли — Разия не отказалась от своего выбора, ибо она всерьез решила уйти с чуже-

¹ Хафиз — первоначально: тец Корана, в данном случае — певец.

земцем. Она просила, чтобы ей не мешали, грозилась покончить с собой и объявила, что тот парень готов увезти ее хоть живую, хоть мертвую.

...В каждом народе есть мудрые аксакалы, а в Гурлене их во все времена было много. Они и тут не остались в стороне. Сначала они попытались объяснить Разие, что та страна слишком далеко, если туда уйдешь, то никогда обратно возвратиться не сможешь. Да только все бесполезно. Тогда аксакалы все-таки уговорили ее родителей благословить молодых. Ох, какие же му рые аксакалы живут в Гурлене!

Перед отъездом мать позвала Разию к себе и, крепко обняв ее, высказала странную просьбу: «Милое мое дитя, будь здоровой, живи долго. Будь счастливой. Только есть у меня одна просьба к тебе. Когда у тебя будут дети, ты никогда не пой им колыбельную песню! Если споешь, то тогда я на всю жизнь буду несчастной...» Разия дала согласие матери и уехала. Ну что случится, если она не споет колыбельную?! Ничего! Ее подруги Рабия и Гульджан провожали ее семь верст. Наконец Гурлен пропал из виду. Амударья, леса, пустыня остались позади...

После того как они благополучно добрались до родины жениха и сыграли настоящую свадьбу, прошло семь или восемь лет. У Разии родился ребенок, жила она в полном довольстве, никакие жизненные заботы не тяготили ее, она была занята только своим ребенком. Ей казалось, что он похож иногда на ее отца, оставшегося вдали, иногда на мать, иногда принимала его за своих братишек, подавляя этим свою тоску и утешая себя. Просьбу матери она не забыла и ни разу не баюкала свое дитя. Но однажды сын ее вдруг заболел и умер. Страдания Разии не было конца. Только когда родился второй сын и начал улыбаться, она забыла свое горе, скорь потери. Но и этот ребенок прожил недолго. Она вновь надела траур и в своем горе была безутешна. До ее мужа дошли слухи о том, что жена не любит своих детей, что ни разу не слышал никто, чтобы она пела колыбельную песню своим детям. Когда родился третий сын, все облегченно вздохнули. Разия поняла, что любовь мужа зависит теперь только от этого ребенка, и не спускала с него глаз.

Но вдруг и этот ребенок заболел. Разия, ее муж и все вокруг

делали все возможное и невозможное, чтобы спасти его, пригласили из далеких и близких мест лекарей — все напрасно! Вот уж сколько ночей ребенок не перестает плакать. Разия в отчаянии — что делать? На рассвете муж страшным голосом вдруг закричал:

— Что ты за мать? Есть хоть капля любви в твоей душе?! Почему ты его, бедняжку, не обнимаешь и не баюкаешь?! Ну, убаюкай же его.

Разия помертвела, лишилась дара речи. Страшный ли вид мужа или клятва, данная матери, мешали ей, но она долгое время не могла и слова выговорить. А ребенку становилось все хуже и хуже, и только когда ребенок начал задыхаться, она крепко обняла сына и, встав с места, голосом, напоминающим то ли плач, то ли мольбу, начала петь колыбельную...

Ребенок долго стонал, но потом успокоился и заснул. Одну, вторую, третью ночь пела она колыбельную... Ребенок стал поправляться... Разия уже забыла слово, данное матери, она была занята только сыном, который выздоравливал не по дням, а по часам, и баюкала его, а сердце ее заполнялось радостью и надеждой.

Ребенок совсем выздоровел. Но он с тех пор не мог уснуть, если его не баюкали. Однажды ночью она сидела и пела колыбельную и чуть-чуть задремала, но вдруг душу ее наполнила тоска, и слезы подступили к горлу. Ей казалось, что она баюкает себя, баюкает ту куклу, которую смастерили подружки ее детства. Да, в самом деле! Как проживают они сейчас? А мать? Бедняжка уже постарела, наверное?! О боже... Она же была такая больная, неужели что-нибудь случилось с ней?.. «О мать моя! Матушка моя!»

Она с плачем вскочила с места. На ее крик прибежали слуги, муж. Разия успокоила их, сказала, что бредила. Потом прилегла, но уснуть уже не могла. «Наверное, братишки совсем взрослые. А что же с отцом? Бедный мой отец! Хоть бы раз увидеть вас, тогда не осталось бы у меня неисполненного желания! Хотя бы один разок! Рабия! Гульджан! Удастся ли мне повидать вас?» Перед глазами проходили картины детства: мутные воды Хизраляба, спелые, налитые соком тутовые плоды, качели, перекинутые через ветви абрикоса, песни веселых женщин, обмолачивающих рис.

С той ночи она потеряла покой. Бедняжке так хотелось увидеть свой родной дом. Свою мать... Родину... Муж понимал ее и старался

успокоить как мог. Но помочь ей был не в силах — съездить в Хорезм было невозможно. Во-первых, дорога была очень далекой, а во-вторых, между ее родиной и этой страной шла война, дороги были закрыты, караваны не ходили.

Когда сын повзрослел и уходил играть на улице со своими ровесниками, Разия сама себе пела колыбельную и плакала. Строки песен, слышанных в детстве, сжимали ей горло, застывали на устах.

Я дитя Луны увижу, поглядев на небо вверх,
Крепость я Гурлен увижу, если погляжу назад.
Далека к тебе дорога, мой Гурлен, ты краше всех,
Я глаза закрою — вижу: фонари твои горят...

Вы, гурленские тропинки, стали тропами теперь?
Все ль бела твоя рубашка, как и прежде, милый мой?
Дом любимого мне дорог, и его открыта дверь,
Воздух прежнего Гурлена носит ветер гулевой...

Вот когда стала понятна Разие просьба матери — колыбельная песня напоминает ей о близких, о друзьях, о родных и этим мучает ее сердце.

А все потому, что в колыбельной песне скрыто какое-то чудо, святая сила, волшебство. Колыбельная песня — это не только наследство, оставленное матерью, но она — голос Матери-Родины, которая была великой Матерью и нашим матерям!

Хочешь помнить о Родине вечно и чтоб дети о ней помнили — пой им колыбельную песню...

Разверзлись небеса, а ты взирал бесстрастно,
Ярились тучи — ты глядел все безучастно,
Над миром шла гроза — зевал как непричастный,
Долину зной томил — казался беспристрастным.

Жизнь — караван в пути. Одумайся, беспечный!
Вот караван исчез... Протри глаза, беспечный! —
Он без тебя ушел,

поймешь ли наконец?!

И страшен час,

когда окрест — в любой конец —

Даже проклятью некого предать!..

ГОРЯЩЕЕ ДЕРЕВО

Ударил, сумрак ночной пронзая,
в могучую крону стрела грозовая,
И тьма попятилась обожженная,
жмурясь, как будто сова оглушенная.
Словно проснулся вулкан гремящий:
факелом вспыхнуло в темной чаше
Горящее дерево.

Вчера этих веток шатер величавый
казался огромной цветущей державой,
Для птичьих семей эта мощная крона
казалась прочней вековечного трона.
Но с веток в смятенье брызнули птицы —
во тьме их заставило искрами взвиться
Горящее дерево.

Зачем же так высилась крона могучая,
видя, что к ночи сгущаются тучи,
Зная, что близится буря злая,
не гнула, вызов грозе бросая?
Как гордая сторожевая башня
приняло первый удар бесстрашно
Горящее дерево.

Зачем так пылают под бурей бешеной
ветки назло этой тьме крошечной?
Зачем каждый листик спешит загореться,
крича, трепеща, как живое сердце?
О тучах, подкравшихся среди ночи,
предостеречь всех собратьев хочет
Горящее дерево.

Где-то стрельба... Пылают деревни...
 Это деревья горят, деревья —
В густой, в живой человеческой чаще
 кричат об огне, о беде грозящей!
Слышите? Это пылающей кроною
 сердце кричит мне раскаленное —
Сердце кричит!..
 Слушай, брат, и поверь ему —
Горящему дереву!

ЗВЕЗДА ЕВГЕНИИ РУДНЕВОЙ

Герой Советского Союза летчица Евгения Руднева совершила свыше шестисот боевых вылетов. В последнем бою взорвала свой горящий самолет над скоплением врагов. Недавно Международная астрономическая ассоциация присвоила новому открытому астеронду ее имя.

Евгения Руднева!
Это твоя фотография.
В глазах —
 синева предвесеннего неба...
Лишь в несколько строчек
 вместилась твоя биография:
Бесстрашная девушка.
 Летчица.
 Птица.
 Планета.
Летела.
 И крылья, которые Родина
Тебе подарила,
 пропитаны светом,
Гудели,
 взмывая над облачной роздымью,
И спорили в скорости
 с яростным ветром.
Евгения Руднева!
Русское имя прославила.
Свой долг пред Отчизной
 геройски исполнила.
Горел самолет.
В цель его ты направила,
Врага сокрушила крылатая молния!
Ты снова летишь
 в небе звездочкой голубоглазю.

Тебя увидеть,
 знаю, добрая это примета.
Над полем,
 над лесом
 ты ночью погожею, ясною
Над Родной милой
 летишь до рассвета...
Евгения Руднева!
Не передаст фотография,
 какой ты была.
Но глаза твои вешнего цвета
Нам светят всегда.
 Не имеет конца биография:
Бесстрашная девушка.
 Летчица.
 Птица.
 Планета!

ШАГ ВПЕРЕД!

Плывет сквозь вечность
 шар земной
 в объятиях других планет
по линиям своих траншей
 о будущем гадая.
Порой от солнца,
 в чей подол
 вцеплялся миллиарды лет,
он отступает до снегов,
 весны иначе нет.
Чтобы когда-то наступать,
 порою надо отступать.
Лишь тот умеет вдаль глядеть,
 кто может оглянуться.
И это слово «отступать»
 не означает «уступать».
Мы, отдавая пядь земли,
 за пядью брали пядь.
Над отступающими нет поникнувших знамен,
когда они в дыму боев
 бессмертны, умирая.
Чтоб искру божью сохранить
 для будущих времен,
мы отступили до костра,
 где Бруно был сожжен.
И неотступный разум твой,
 великий Улугбек,
Звезд не сдавая,
 отступал
 до острия кинжала,
И Ленни не бежал в Разлив,
 а наш двадцатый век
в Разлив на время отступил.
 Победа — не побег.

И девочка Мари Кюри
 держала свет зари
в ладонях тонких на весу,
 но тоже отступила
от солнца к атому, и он
 все тайны, что внутри,
ей подарил, и потому
 она — Мари Кюри.
И до панфиловских рядов
 мы отступали вспять,
чтоб в Нюрнберге пригвоздить
 фашизм к столбу позора.
Береза белая в росе
 с Волоколамского шоссе
пошла на этот столб...
 Так вот
 что значит — отступить!
О мать-история, прости!
 Мы смелости взаимы
не кланчили ни у кого,
 а все же — отступали...
Но если отдавали мы
 поля родные и холмы,
то дальше сердца никогда
 не отступали мы!

ЖУРАВЛИ

На берегу Джейхуна,
только весна настала,
я любовался миром
тонких весенних ростков,
а журавлей цепочка
вылетела устало,
неумолимо снижаясь
прямо из облаков.
Ранней весны посланцы,
полные тайным свеченьем,
были они невесомы,
будто бы чей-то вздох,
и нерушимо летели
в древнем ряду священном,
в том, что разбить не сумели
все потрясения эпох.
Может, они летели
с первого дня сотворенья,
вестью крылатой трубной
вечные журавли,
и рассекали крылами
сверхзвуковое время,
грустно ища хоть кусочек
неперерванной земли.
Нынче земли нехватка
в тесном для птиц Хорезме.
Век наш двадцатый, будто
железная борона,
Корни всех диких тугаев
безжалостно перерезал,
и от Джейхуна осталась
только легенда одна.
Крылатые кони из сказок,
серебряные озера,—

я спрашиваю безмолвно —
где вы сегодня, где?
Где первобытность мира,
прячущаяся от взора,
где вы, огромные рыбы,
играющие в воде?
Неужто уже не услышим
поющие вольные воды,
поющие вольные травы
от черного дыма вдали?
Неужто уже не осталось
такого клочка природы,
где мы бы сказали со вздохом:
«Так было в начале земли...»
Стремителен темп эпохи,
когда пропускают сквозь сито
каждую горсточку почвы
и делают землю золой.
Земля моя, сколько столетий
тебя разрыхляют копыта,
а ты возрождаешься снова,
и снова ты пахнешь землей,
Но мало земли, так мало...
где дышит нетронуто зелень...
Ах, журавли, снижайтесь!
А я постараюсь для вас
найти, чтоб не пачкали крыльев,
священные чистые земли,
вы спросите — где? Неважно!
Найду в глубине своих глаз.
Ах, журавли! Подлетайте!
Садитесь ко мне на плечи.
Я вас понимаю, ибо
я в чем-то журавль и сам.
Пусть сильные ваши крылья
не в страхе, а в счастье от встречи.

меня по щекам колотят
и хлопают по глазам.
Присаживайтесь! Не пугайтесь!
Я каждым ударом сердца,
как ласковой колыбельной,
хочу вам навеять сон.
Напутствуя к новым далям,
я всею душой хорезмца
хочу колыбельной напомнить
Хорезм отошедших времен.
Когда мы, узбеки, строим
дома не чужими руками,
то мы оставляем в них место
для каждого из сыновей.
Строители, не забывайте
о птицах под облаками!
Оставьте хоть чуточку места
для каждого из журавлей!

ШУТКА

Если бы деревья ходить научились,
интересно —

куда бы деревья пошли?

Корни деревьев

еще не наловчились

себя

выдергивать

из матушки-земли.

Если бы все пограничные столбы
ожили —

куда бы свой путь они направили?

Они не потерялись бы среди толпы?

Сделали бы мир

совершенней,

правильней?

Если бы по улицам зашагали памятники,
нашли бы они место

рождения своего?

Узнали бы их родственники

без шумихи,

паники?

Дали бы им крышу —

всем до одного?

Если с места сдвинется все на свете,
всему найдется место,

уют,

покой и тишь...

Но улицы — для памятников,

ибо на планете

нету для памятников подходящих крыш.

ВСПОМИНАЯ ЧАРЛИ ЧАПЛИНА

Чарли Чаплина нет.

Чернотой затянуло экран,
словно свет на экране,
который был в долг человечеству дан,
взяли сразу
с большими процентами,—
со слезами,
как будто бы с многими лишними центами.

Чарли Чаплина нет.

Огляделась вокруг наша скорбь
и увидела столько великих,
но слишком серьезных!

Если чья-то улыбка

ягненком
прискачет к нам с гор,
будет легче бороться со скукой,
взорвав застоявшийся воздух.

Наша жизнь —

перетягивание каната.
О, как нового Чаплина человечеству надо!
Кому шляпа досталась его, кому трость,
а кому —
его шлепающие ботинки...

А улыбка — кому?

Неужели он гость
лишь на миг?

И в неравном погиб поединке?

А потом

сам поверил
бесхитростной шутке своей,
побежав за толпою
счастливых детей...

«Раз я это сказал,
а ведь я не обманщик,
не плут,—
может, правда орехи там всем раздают?»

Так и я говорю
не из хитрости,
не для наживы:
«Чарли Чаплины живы!»

И хочу побежать
вслед за собственной шуткой куда-то.
Может, правда?
Но если обман —
все равно это свято.

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Под сенью мимолетных облаков,
чаруя Рим, собор Петра венчая,
блистая красотою пять веков,
плывет сквозь время купол величавый.

Бессмертна Микеланджело душа.
Творец, с рожденья споривший с богами,
он сердцем оживил бездушный камень.
И я гляжу на чудо не дыша.

Не умирает в мраморе мечта
того, кто был с бессмертными на равных.
Здесь, где Христа оплакивает мрамор,
сердца нам омывает чистота.

Встает, проснувшись, совесть в полный рост.
И мечется, и не находит места.
И снова, снова мучает вопрос —
так совместимы ль гений и злодейство?

Когда художник восхищает мир,
то, в зависти испытывая муку,
найдется тот, кто, злобою томим,
на красоту свою подымет руку.

Но, застав под молотом его,
искусство не утратит вдохновенья.
И в трещинах бессмертное творенье
бессмертья не лишится своего.

И потому не утрашись, поэт,
ни клеветы, ни зависти, ни злобы.
Дитя минувших и грядущих лет,
со временем ты сводишь счет особый.

Не требуй же от нечисти ума.
Она, на правду нападая яро,
жгла Гейне неподкупные тома,
она могилу Маркса оскверняла.

У нечисти законы есть свои.
Она громила зодчество Востока,
она хулила золотые строки
великого навеки Навои.

Но не убить искусство и любовь.
Они бессмертны. В этом их величье.
И все ж недаром стынет в жилах кровь,
коль вижу нечисть в ангельском обличье.

И тень злодейства, как дамоклов меч,
за гением блуждает не напрасно.
Как гениальность от нее сберечь?
И кто разрушит это постоянство?

ПЕЙЗАЖ КЛОДА МОНЕ

Аскаду Мухтару

Что это? Пепельно-серое нечто...
То ли туман, то ли пар?
То ли измазал известкой беспечно
Холст никудышный маляр?

То ли из мутной и облачной пыли
Снег на долину упал?
...Люди и здесь всё спешили, спешили,
Будто бы их кто-то гнал.

Я же тогда на загадку картины
Долго искал ответ.
И постепенно из пепельной тины
Выткался дивный рассвет.

...Шелк небосклона, слегка отраженный
Ртутью дрожащей волны,
Сад, в удивительный сон погруженный,
В бледном сиянье луны...

Понял я вдруг: в затаенной обиде
Скрыл на холсте человек
То, что, быть может, уже не увидит
Этот стремительный век.

1979 г. Нью-Йорк. Метрополитен-музей

* * *

В этом царстве мороза безбрежном,
Среди сосен, что спят, не дыша,
В белом платьице, тонком и нежном,
Затерялась березка-душа.

Как, должно быть, ей зябко и колко:
Вон зеленою лапой своей
Молодая нахальная елка
Злобно тело царапает ей.

Вон и ветер бедняжку ломает,
Ее ветки бросая к сосне.
Почему же она так страдает
На родимой своей стороне?

За нее мне немного обидно.
Только что же поделаешь тут?
Чистота и изящество, видно,
Трудной жизнью повсюду живут.

МОЛЧАНИЕ

Говорят, если в поле растопчешь цветок,
То другие цветы затоскуют о нем.
И, безмолвно волнуясь, запомнят урок
Той бессмысленной смерти, жестокой притом.

Говорят, если ветку живую сломать,
Иссушить водоем и засыпать овраг,
То природа, не в силах ни слова сказать,
Промолчит, но со вздохом подумает: враг!

Говорят, что в природе извечно царил
Изначальной гармонии высший закон.
Только тех, кто его уж давно преступил,
К сожаленью, у нас не один миллион.

Как мы только природе родной не вредим!
Чуть чего — и сейчас же берем динамит,
А потом о победах своих говорим...
А земля все молчит, и молчит, и молчит.

Ох, недоброе это молчанье, друзья!
Побережь бы нам надо себя и ее.
Я боюсь, как бы наша родная земля
Не сказала б нам прямо и сразу все-все...

Сорок жен имел всесильный хан.
Сорок первой стала ты для хана,
Сорок первой птицей, Асилджан,
В золоченой клетке у тирана.

Ты теперь царица всей страны —
Против страсти хана нет заклятий.
Можно ведь до звезд и до луны
Дотянуться из его объятий.

Что ж ты слезы льешь в гаремной тьме,
Что ж не хочешь царственного счастья?
Видишь — твой отец сидит в тюрьме
Как заложник твоего согласия.

Что же ты пожертвовала им?
Что же ты покорною не стала?
И меж телом хана и своим
Вдруг взметнула лезвие кинжала?

Почему ты так и не сдалась,
Смерть приняв с отчаянной мольбою,
И на небо прямо вознеслась
Из котла с кипящею водою?

Я твоей судьбы прекрасной свет
Буду видеть вечно, до могилы,
Девочка, в свои пятнадцать лет
Как нашла в себе ты столько силы?

Как, с невинным сердцем и душой,
Этот мир познавшая так мало,
Волей ты исполнилась такой?
Погибая, что же ты спасала?

**Видно, есть такой святой закон
Изначальной чистоты в природе.
Как залог неколебимый он
Чистоты и совести в народе.**

**Девушки узбекские! Всегда —
В этот день, и в первый день творенья,
И во все грядущие года —
Вы — любви и жизни воплощенье.**

**Верю: если даже рок слепой
Вас в пучину зла втянуть захочет,
Ваша честь прекрасною звездой
Вспыхнет среди самой черной ночи.**

**Только знайте: где-то и сейчас
Кто-то стонет, плача и страдая,
Ханы вновь высматривают вас,
Под котлами пламя разжигая.**

ТЕБЯ Я ЛЮБЛЮ

1

Явивши божескую милость,
Мне пери милая приснилась,
И в голове моей бедовой
Как будто что-то помутилось.

Кто ты? — душа моя зывала,
Кто ты, что солнцем просияла
И так меня обдала жаром,
Что плоть моя забунтовала.

Кто ты? Неужто мне приснился
Тот образ, на какой молился?
Он, сотканный в моих мечтаньях,
В твоём лице отобразился.

Так думал я, но не решался
Ни слова вымолвить — боялся!
Пропали втуне все желанья —
Мой сон внезапно оборвался.

И чуть от грез успев очнуться,
Я крикнул: — Обещай вернуться!
Я, чтоб тебя увидеть снова,
Готов уснуть и не проснуться!

2

И читать, и писать я отвык.
Лишь открою я книгу, и вмиг
На страницах ее проступает
Твой зовущий и ласковый лик.

В цветнике беспокойно брожу.
Осыпается пышный цветник.
Только красками ярко сияет
Твой зовущий и ласковый лик.

На вечернее небо смотрю:
Меркнет в сумраке звездный рудник,
Потому что его застигает
Твой зовущий и ласковый лик.

Для любви я пришел в этот мир
И теперь в изумленье постиг,
Что все небо и землю вмещает
Твой зовущий и ласковый лик.

3

О рок, почему, сотворив две звезды
За миг, за единый раз,
Одной повелел ты светить на заре,
Другой — в предвечерний час?

О рок, почему, бросив двух человек
В единый жизни поток,
Ты так повелел, чтоб из них ни один
Увидеть другого не смог?

О рок, почему, жизни им подарив
В одном и том же краю,
Ты так повелел, чтоб не смог ни один
Другому сказать: «Люблю»?!

О рок, почему в славном городе том,
Которому тысяча лет,
Есть много дорог, но для этих двоих
Друг к другу дороги нет?

О рок, ты, конечно, прости за совет,
Но буду правдив до конца:
Ты, прежде чем судьбы людей предрешать,
Сперва загляни в их сердца!

4

Ход жизни не всегда закономерен,
Расчет надежный может быть неверен.
Мое желанье — это только ты,
А я в своих желаньях не умерен.

Чтобы птенцов своих насытить в меру,
Пичужка сотни раз снует по скверу.
А мне б хоть раз тебя поцеловать —
Я б вспоминал о том всю нашу эру.

Увы, наверно, это странно очень:
На солнце глядя, помышлять о ночи.
Твои же кудри, черные как ночь,
Я вижу постоянно, между прочим.

На свете всяк живет как только может.
То бедность, то любовь поэта гложет.
Не смейся — просто сердцем он живет
В прямом и в переносном смысле тоже.

5

Как солнце, что красней всего под вечер,
Краснеешь ты при каждой нашей встрече
И, становясь похожей на тюльпан,
Мне говоришь: — На нас глядят, Аман...

Ужель судьба тебе вручила с детства
Зухры и Лейли трудное наследство?

Звучат как боль от незаживших ран
Твои слова: « На нас глядят, Аман...»

Любовь моя, ведь только те счастливы,
В ком, как родник, чисты души порывы.
Не прячься в тень, хоть лжи велик платан,
И не тверди: « На нас глядят, Аман».

Цветок мой милый, поскорей раскройся!
Пускай глядят себе, а ты не бойся!
Известно ведь уже давным-давно:
Любить, увы, не каждому дано.

6

Журавли улетели в свои неизвестные дали,
И сухая листва на озябшую землю летит,
И весь мир пребывает в тягучей осенней печали,
Только ты, дорогая моя, не грусти.

Словно дождик, что первой прорвался дождевой,
Как гроза, что лишь первым зигзагом блестит,
Ты, глазами сверкнув, затуманилась первой слезинкой.
Не грусти, дорогая моя, не грусти.

Не глядишь на меня и словам моим тоже не внималешь.
Нужных слов в беспокойстве никак не могу я найти.
Я возьму твою боль, это грустное небо и землю,
Только ты, дорогая моя, не грусти.

Долгожданной весной солнце выплеснет полною чашей
Пену белых садов, все несчастья сметая с пути.
Все вокруг расцветет, будет праздник на улице нашей,
Не грусти, дорогая моя, не грусти.

Посреди предрассветного сна
 Ветерок потянул от окна.
 Ветерок, расскажи, друг душевный,
 Почему мне не лишет она.

Полети над простором полей
 И цветы расспроси поскорей:
 Ветерок, может быть, они знают
 Что-нибудь о любимой моей?

К роднику, мой дружок, загляни,
 Родниковой водой прозвени.
 Ветерок, может быть, он расскажет,
 Как проводит она эти дни.

Ветерок, ты ведь знаешь тот дом,
 Ветви тала под белым окном?
 Ветерок, разузнай, что случилось
 С долгожданным ответным письмом.

Ветерок, даже лик у луны
 Люди знают с другой стороны.
 Ветерок, помоги, друг душевный,
 Так мне вести от милой нужны.

Что попросить мне у тебя на память
 В короткий миг прощания с тобой?
 Хотя надежду сердце ищет вечно,
 Но клятвы не попросит ни одной.

Что попросить? Желанных встреч? Не стану...
 И, как ни странно, есть резон и тут:

Поскольку волки зависти и кляуз
Теперь, пожалуй, с голода умрут.

Что попросить мне? Завиток на память
От этих кос прекрасных, может быть?
Не буду, нет. Ведь жажду их увидеть
Смогу я в черном небе утолить.

Что попросить? Для сердца утешенья?
Но как оно уместится в груди,
Когда сказать «прощай» мне очень трудно
И права нет сказать «не уходи».

Я говорю и вижу: все печальней
В твоих глазах отсвечивает даль...
Прости меня, что в этот миг прощальный
Я заберу с собой твою печаль.

Я просветлел душой своей нежданно,
Я взял с собой сокровище любви.
И знаю: все сольется в той печали —
Надежды, встречи, волосы твои...

9

В этом городе я, словно в каменных дебрях,
В одинокой печали влачу свои дни.
Я как ветка, что тянется к солнцу и свету,
Но живет обреченно в глубокой тени.

Эх, тоски моей шелк — многоцветие боли
На дорожных столбах поразвесить бы мне.
Знаю — этой тоски, знаю — этого шелка
До ворот Самарканда хватило б вполне.

Каждый миг, каждый час наших встреч и свиданий
Мне осталось лишь в долгой ночи вспоминать.
Ни единый язык в этом мире огромном
Главных слов о разлуке не может сказать.

В этом городе я, словно в каменных дебрях,
В одинокой печали влачу свои дни.
Я как ветка, что тянется к солнцу и свету,
Но живет обреченно в глубокой тени.

10

Если ты ничего не узнала пока
О любви моей, в небо без края
Посмотри — и расскажут о ней облака,
В глубине твоих глаз проплывая.

Если ты ничего не узнала пока
О любви моей, лишь прокричу я,
Как с вершин белоснежных прорвется река,
На песке твои ноги целую.

Если ты ничего не узнала пока
О любви моей, ласточек стая
Прощебечет о том, как она глубока,
Над окном твоим гнезда свивая.

Если ты не захочешь услышать меня,
Я на землю паду бездыханным,
И накроет любовь моя эти поля
Для тебя дастарханом тюльпанным.

11

Из дождя проливного, из утренней мглы
В небе радуга встала и зелень зажгла.

И сады пробудились, чисты и светлы,
Как и наша любовь, что чиста и светла.

Каждый листик вокруг разбудила весна.
В каждой почке затеплилось пламя ее.
На тебя показала рукою она —
Я узнал, где находится сердце мое.

Ах, весна! Животворное слово земли!
Все ликует, сливаясь в объятьях твоих.
В этот радостный день мы друг друга нашли
И любовь разделили одну на двоих.

Понял я, потому что страдал и любил:
Сокровенная истина так коротка —
Только дни, что любовью своей озарил,
Станут истинной жизнью твоей на века!

ДРУГУ С РЕБЯЧЬИМ ПРАВОМ

(Шутка)

Мы, вырастая, все в детство играем:
Мыслим по-детски, по-детски мечтаем.

Не потому ли на каждом шагу
Столько ошибок еще совершаем?

И с любопытством взирая на всех,
Этого — любим, того — презираем?

Не потому ли все то, что найдем,
Плача, из рук своих не выпускаем?

И всякий раз за начальством слова
С глупым восторгом опять повторяем?

Не потому ль, утешаясь во сне,
Мы наяву безнадежно страдаем?

ПТИЦЫ

Ибрагиму Гафурову

В моем сердце свили гнезда птицы,
Уж не знаю, право, и когда.
Оттого мне петь и суетиться
Суждено во все мои года.

Птицы эти разные на диво.
Есть такие — стыдно посмотреть:
По земле лишь бегают пугливо,
Даже и не пробуя взлететь.

Есть такие: вроде попугая.
Эти в обстоятельствах любых
Душу мне изводят, повторяя
То, что всем известно и без них.

Есть еще драчливые, признаться,
Эти с детства у меня, видать,
Так и ищут повод, чтоб подраться
И кому-то перья пощипать.

Есть еще ленивые пройдохи,
Что живут бестрепетно и всласть,
Не в саду себе собирая крохи,
А под боком мельницы кормясь.

Как я гнал их всех, никто не знает!
Но напрасно, право же — беда:
Встрепенутся, где-то полетают
И назад — до своего гнезда.

В моем сердце свили гнезда птицы,
Как в саду, уже давным-давно,

И не может целый мир вместиться
В это сердце слабое одно.

И была бы жизнь мне просто плахой,
Если б в этом сердце не жила
Скромная, приветливая птаха,
У которой сильных два крыла.

В светлый час, когда душа мечтает
И тревожит сердце все сильней,
Знаю я: тогда она летает
Над простором Родины моей.

Жду ее и в счастье и в кручине,
На рассвете и в кромешной мгле.
Жду ее — она одна причина,
Что еще живу я на земле.

* * *

Чем больше мы живем, тем больше лица нам
Морщины бороздят, подобные волнам.
И в тех волнах глаза в беззвучном крике тонут,
Но некому помочь страдающим глазам.

Хоть грустно мне от предстоящей речи,
Скажу: весна полна противоречий.
Не только радость дарит нам она.
Какой ты будешь, новая весна?

Когда чалма горы под солнцем тает,
Когда родник дар речи обретает,
Тогда и ветвь живой водой полна.
Такой ты будешь, новая весна?

А как прекрасно взглядом благодарным
Увидеть птиц на берегу янтарном,
Когда их криком даль оглушена.
Такой ты будешь, новая весна?

Еще неплохо, коль с ближайшей кроны
Вам соловьи поют, а не вороны
И ваша грудь мечтами стеснена.
Такой ты будешь, новая весна?

Чего на свете только не бывает:
Простой росток порой асфальт ломает
И от иных реформ трещит страна.
Какой ты будешь, новая весна?

Соблазнов очень много в этом мире.
Степь оросить — не дважды два — четыре.
Звезда в ночи — не всякая ясна.
Какой ты будешь, новая весна?

И разве мало гибнет ей плененных
Сердец отважных, пылких и влюбленных?
Ревущий сель — ее же, брат, вина.
Такой ты будешь, новая весна?

А за весной расправит лето крылья,
Но принесет ли лето изобилье?
Трудам весенним — разная цена.
Какой ты будешь, новая весна?

Природа-мать не знает середины,
А мы с природой, в сущности, едины.
Смысл бытия нельзя испить до дна.
Какой ты будешь, новая весна?

СОДЕРЖАНИЕ

Перевел Евгений Рейн

Люди долин и степи	5
Русские ученые	9
Разговоры, описывающие степь	12
Коммунистам Голодной степи	15

Перевел Аркадий Тюрин

В безводной пустыне. Хроника	17
Мое бессмертие	28
Знак любви	30
Я — йог	31
Под чинарой	34
Мощь единства	35
Серебряные искры	36
Павлины дворца Фонтенбло	38
Птичий рынок	40
Ночной Париж	42
Мечеть Джаме	44

Перевел Виктор Парфентьев

Лестницы Назыма Хикмета	46
«Душа моя, как столбик ртутный...»	47
«На рассвете спустилось к нам облако белое...»	48
«Трактат о жизни я решил составить...»	49
День рождения Абдуллы	51
Лабиринт	52
Хвала женщине	53
Монолог Жуманияза Кузыева «Об этом ложном мире»	54
«— Абстрактна правда...»	55
Памятник Насриддину в Бухаре	56
Кладбище динозавров	57
«Есть в Монголии птица улар...»	59
«Зной — танцовщик пустыни Гоби...»	61
«Он вышел в толпу из театра...»	62

Перевел Михаил Синельников

Жаворонок в небе	64
Стенания недостроенного минарета в Хиве	67
Граница света	69
Тайна природы	73
Богатырь Нуржан	77
Колыбельная песня	82
«Разверзлись небеса...» <i>Перевел Сергей Бобков</i>	89
Горящее дерево. <i>Перевел Сергей Северцев</i>	90
Звезда Евгении Рудневой. <i>Перевел Раим Фархади</i>	92

Шаг вперед! <i>Перевел Евгений Евтушенко</i>	94
Журавли. <i>Перевел Евгений Евтушенко</i>	96
Шутка. <i>Перевел Евгений Евтушенко</i>	99
Вспоминая Чарли Чаплина. <i>Перевел Евгений Евтушенко</i>	100
Микеланджело. <i>Перевел Александр Файнберг</i>	102

Перевел Юрий Отрешко

Пейзаж Клода Моне	104
«В этом царстве мороза безбрежном...»	105
Молчание	106
«Сорок жен имел всецильный хан...»	107
Тебя я люблю	109
Другу с ребячьим нравом	117
Птицы	118
«Чем больше мы живем, тем больше лица нам...»	120
«Хоть грустно мне от предстоящей речи...»	121

Аман Матчан
(*Аманбай Матчанов*)

ЗНАК ЛЮБВИ

Редактор

А. И. К а н ы к и н

Художественный редактор

Д. С. М у х и н

Технический редактор

Г. В. К л и м у ш к и н а

Корректор

Т. В. М а л ы ш е в а

ИБ № 6643

Сдано в набор 22.04.88. Подписано к печати 05.08.88.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Литературная
гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5.6. Уч.-
изд. л. 4.5. Тираж 6600 экз. Заказ № 302. Цена 50 коп.
Ордена Дружбы народов издательство «Советский
писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Туль-
ская типография Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете СССР по делам издательств, по-
лиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула,
проспект Ленина, 109

Матчан А.
М 34 **Знак любви: Стихи. Пер. с узб.— М.: Советский писатель, 1988.— 128 с.**
ISBN 5—265—00042—9

Любовь к родной земле, величие духа учителя, чистота и богатство души народной, извечное презрение народа к тирании и лжи — таковы основные мотивы книги стихов и баллад известного узбекского поэта Амана Матчана. Автор родился и вырос на древней земле Хорезма. В основу баллад легли фольклорные мотивы и сюжеты.

4702620202—339
М ————— 352—88
083(02)—88

ББК 84 Уз 7